ЭЛЕН
БРОНТЭ
ПАНСИОН
СВЯТОЙ
МАРГАРЕТ
Галантные чувства

Элен Бронтэ

Пансион Святой Маргарет

Серия «Галантные чувства»

текст предоставлен издательством "Эксмо"
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3744435
Элен Бронте. Пансион Святой Маргарет: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-57357-8

Аннотация

Из-за беспечности брата, промотавшего доставшееся от отца состояние, Эмили самой приходится зарабатывать себе на кусок хлеба. Отправляясь в пансион святой Маргарет, девушка и не предполагала, что в этом, казалось бы, благочинном заведении царят настоящие страсти – любовь и ненависть, верность и предательство, жадность и бескорыстие. Молодой учительнице предстоит раскрыть многие тайны, а также найти свое собственное нежданное счастье.

Литературная обработка текста Н. Косаревой.

Содержание

1 5
2 9
3 14
4 18
5 24
6 29
7 33
8 38
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Элен Бронте
Пансион Святой Маргарет

1

– Тебе так повезло, что кузина Фанни нашла для тебя это место, – с довольным видом говорила миссис Барнс, пока служанка убирала со стола после завтрака. – Очень, очень приличное заведение, попечительский совет не жалеет денег для того, чтобы школа процветала и пользовалась уважением.

Эмили слушала разглагольствования матери не в первый раз, а потому могла позволить себе сидеть с рассеянным видом и время от времени посматривать в окно – дождливая погода длилась уже третий день, не давая девушке возможности ускользнуть на прогулку, подальше от ненавистного дома и нескончаемой болтовни матушки.

– Фанни говорила, директриса очень строга, но всегда поощряет тех учителей, кто добросовестно относится к своим обязанностям. Думаю, через несколько лет ты сумеешь отложить некоторую сумму для своего приданого, – продолжала миссис Барнс.

Горничная унесла последний поднос, и Эмили не выдержала.

– Не понимаю, почему я должна уехать и работать учительницей, в то время как Томас до сих пор не пошевельнул и пальцем, чтобы поправить свои дела!

Возмущение мисс Барнс можно было понять. Положением, в котором она оказалась, Эмили целиком и полностью была обязана своему брату Томасу. Несколько лет назад их отец, ныне покойный мистер Барнс, сумел при помощи советов поверенного сделать выгодные вложения и приумножить свое скромное состояние до весьма круглой суммы. Вступив в права наследования, Томас поспешил последовать этому примеру, но полагался исключительно на свой здравый смысл, коего ему, к несчастью, недоставало.

Томас так щедро пользовался заемными средствами и так мало изучал положение и репутацию компаний, в ценные бумаги которых вкладывал свои деньги, что в кратчайшие сроки лишился почти всего состояния и вынужден был продать поместье отца и еще просить у матери денег, чтобы удовлетворить требования кредиторов.

На уплату долгов ушли средства, оставленные покойным мистером Барнсом жене с тем, чтобы его вдова могла обеспечить себе приличный образ жизни и в положенное время выдать замуж дочь с хорошим приданым. Миссис Барнс так сильно любила своего сына, что нашла все произошедшее с ним стечением неблагоприятных обстоятельств и происками недоброжелателей и безропотно уплатила долги незадачливого коммерсанта. К счастью, подлинная нищета Барнсам пока не угрожала.

Еще при жизни отца Томас сумел жениться на девушке с солидным приданым, и именно ее капитал должен был отныне стать единственным средством поддержания семьи, так как благодаря своевременному вмешательству дядюшки миссис Томас Барнс ее состояние не было пущено в дело недальновидным супругом.

Миссис Томас Барнс, в девичестве мисс Маргарет Холл, не могла отказать в крыше над головой своей свекрови, лишившейся вдовьей доли, чтобы избавить сына от долговой тюрьмы, но не считала нужным покровительствовать его сестре. Маргарет, белокожая, веснушчатая и склонная к полноте, с самой первой встречи не понравилась Эмили своими ограниченными суждениями и высокомерными манерами, и мисс Барнс не сочла необходимым это скрывать. Теперь же ее пренебрежительное отношение к жене своего брата обернулось против нее. Миссис Барнс и Эмили уже третий месяц жили в доме, доставшемся Маргарет

от бабушки, и миссис Томас Барнс определенно дала понять, что пребывание под ее крышей Эмили ей неугодно.

– Ты же понимаешь, дорогая, что у Маргарет и Томаса едва хватает средств, чтобы прокормить себя и детей, а тут еще мы с тобой сидим у них на шее! Заботиться обо мне – сыновний долг Томаса, но тебе придется пробиваться самой, – с досадой ответила миссис Барнс на реплику дочери. – Тебе следовало в свое время быть полюбезней с Маргарет, тогда сейчас она бы принимала тебя совсем по-другому!

– Недостаток средств не мешает Маргарет каждую неделю заказывать себе новое платье, – Эмили передернула плечами, вспомнив вчерашнее появление в гостиной Маргарет в новом красном туалете, совершенно не подходившем к ее лицу и фигуре.

– Ты не должна упрекать ее в том, как она тратит свое приданое, – миссис Барнс не любила спорить с дочерью, так как нередко чувствовала, что победа в споре остается за Эмили.

– Разумеется, мое-то приданое ушло на то, чтобы вернуть Томасу доброе имя, – фыркнула Эмили.

– Довольно, – миссис Барнс поднялась из-за стола и поторопилась покинуть театр боевых действий. – Ступай собирать свои вещи, послезавтра ты отправишься в пансион Святой Маргарет!

Эмили осталась одна, чему была, пожалуй, даже рада. Томас с женой уехали на два дня к одному из многочисленных дядюшек Маргарет, под предлогом показать ему, как выросли маленькие Сидни и Энн, а на самом деле с целью разжалобить пожилого джентльмена и побудить его выделить внучатым племянникам некоторую сумму на сласти и игрушки.

Все эти ухищрения были противны Эмили почти так же, как глупость ее брата и его жены, и, кажется, она даже начала находить радость в том, что скоро уедет отсюда. Она не сомневалась, что приглашения проводить каникулы в доме Томаса и Маргарет не последует, а значит, она может следующие несколько лет ни разу не увидеть своих родственников.

До сих пор будущая жизнь Эмили представляла собой вполне ясную дорогу, порой скучноватую, но надежную и прямую. Отец настоял на том, чтобы дать Эмили хорошее образование, особенно же она преуспела в живописи и истории.

Эмили способна была часами рисовать один и тот же пейзаж, ожидая подходящего освещения и снова и снова переделывая начатое, но терпеть не могла упражняться в игре на фортепьяно, отказываясь развивать талант, почитаемый ее матерью гораздо более полезным в свете, нежели умение пачкать кистью лист картона. Естественные науки также не влекли мисс Барнс, она не находила удовольствия в том, чтобы, подобно множеству юных леди, усердно препарировать бедных жуков и лягушек, преследуя одно лишь желание узнать, как они устроены. Может быть, поэтому она не любила рисовать животных. Миссис Барнс пыталась заставить дочь совершенствоваться в танцах и музицировании, но мистер Барнс решительно запретил принуждать девочку к чему бы то ни было. В результате Эмили превосходно умела передать портретное сходство и представить привычный вид из окна гостиной полным очарования и неги, но едва могла сыграть две-три модных песенки, предоставив блистать за инструментом другим молодым девушкам ее круга.

В отличие от них ей не надо было утруждать себя поисками жениха, по крайней мере, долгое время она так думала. Соседи Барнсов, Моффаты, обладали примерно равными с ними связями и возможностями и едва ли не с младенчества прочили своего старшего сына Барни в мужья мисс Барнс. Эмили воспитали в убеждении, что, сколь бы девушка ни была свободна в суждениях относительно самых разных вещей, вопрос ее замужества будет в положенное время решен ее родителями. Она не испытывала к Барни пылкой любви, слишком давно и хорошо она знала этого молодого джентльмена, но смотрела на брак с ним как

на неизбежное событие и была по-сестрински привязана к его младшим сестрам, близнецам Агнес и Элизабет.

Отцы семейств решили объявить о помолвке своих детей в тот день, когда мисс Барнс исполнится восемнадцать лет, но, увы, мистер Барнс не дожил до этого дня. Траур, конечно же, отодвинул счастливый для обеих семей день, а вскоре после того, как Томас Барнс лишил семью ее достояния, его мать получила от миссис Моффат письмо с известием о предстоящем венчании Барни и некой мисс Линд, дочери нынешнего владельца поместья Барнсов, которое должно было стать приданым мисс Линд.

Эмили весьма снисходительно отнеслась к известию о вероломстве своего предполагаемого жениха, в конце концов, они не были связаны словом, а нынешние стесненные обстоятельства ее семьи делали девушку непривлекательной невестой. Миссис Барнс негодовала гораздо дольше, ее сетования, перемежающиеся приступами рыданий, несколько недель можно было слышать по всему дому, к вящей досаде Маргарет.

Итак, надежда на брак Эмили растаяла, и миссис Барнс решила, что лучшим выходом будет найти дочери какой-нибудь способ зарабатывать себе на жизнь. Таким образом достигались сразу две цели – Эмили уедет, что, несомненно, сделает Маргарет более снисходительной к капризам свекрови, и миссис Барнс не придется мучиться угрызениями совести из-за того, что она так скверно позаботилась о будущем дочери.

Кузина миссис Барнс, миссис Фанни Пэйшенс, состояла в приятельских отношениях с директрисой одной весьма престижной школы для девочек, пансиона Святой Маргарет. Именно протекция тетушки позволила мисс Барнс получить место учительницы рисования, так кстати освободившееся после того, как молодой учитель был заподозрен директрисой в неподобающем поведении, а именно – в ухаживаниях за одной из старших учениц, девушкой из родовитой и состоятельной семьи.

Школа Святой Маргарет была расположена в Роттингдине, неподалеку от Брайтона, что делало это место очень привлекательным для заботливых родителей, имеющих возможность вывозить своих дочерей на курорт во время каникул.

Чтобы добраться до своего нового дома, Эмили потребовалось полтора дня, и все это время она раздумывала о том, какой прием ожидает ее в конце пути. Тетушка Фанни не отличалась добротой и сердечностью, и Эмили опасалась, что ее подруга, директриса миссис Аллингем, окажется еще более суровой и властной женщиной, не склонной быть снисходительной к маленьким слабостям других людей и потакающей своим собственным.

В своем письме тетя Фанни прямо указала, что Эмили не стоит брать с собой модные туалеты и шляпки, учительница должна выглядеть скромно и вести себя благопристойно. У мисс Барнс еще сохранились темные платья, которые она носила в последний период траура по отцу, их-то она и взяла с собой. Но отказаться от любимого зеленого платья с отделкой из бархатного шнура она бы не смогла и уложила его на дно своего сундука. Кто знает, может, ей придется иногда бывать в обществе, и она не должна выглядеть бедной просительницей, пытающейся проникнуть в светский круг, к которому она и без того принадлежала по праву!

Про Эмили никто никогда не говорил, что она красива, но хорошенькой ее считали многие. Довольно густые каштановые волосы, отливающие медью на солнце, круглые щечки и чуть вздернутый носик, усыпанный веснушками – вечный повод для недовольства миссис Барнс, – черты, каковыми если и нельзя гордиться, то уж, во всяком случае, стыдиться их нечего. Некоторую незаурядность образу мисс Эмили добавляли глаза, выразительные, темно-серого цвета, выдававшие подчас ее мятежные мысли, а иногда придававшие девушке мечтательно-задумчивый вид. И то, и другое, впрочем, столь же сильно не нравилось ее матери, как и веснушки.

– Юная леди должна быть спокойной, рассудительной и в то же время послушной и почтительной к мнению старших. Как ты могла с таким насмешливым выражением лица

смотреть на преподобного Хилла, – возмущалась миссис Барнс. – Пусть в его речи повторяются одни и те же истории, но они поучительны и, уж конечно, полезнее тех глупостей, что нашептывал тебе этот повеса Джервис, а ты внимала им с таким видом, будто он вот-вот встанет перед тобой на колени и сделает предложение!

На эти и им подобные замечания Эмили обращала мало внимания, что казалось ее матери и брату недопустимым легкомыслием, но, пока Эмили не бунтовала против предложенной ей партии, эти мелкие промахи ей прощались, тем более что покойный отец находил свою дорогую девочку весьма сообразительной, а ее высказывания – забавными и не лишенными проницательности, в отличие от тяжеловесных острот Томаса.

Теперь же, Эмили прекрасно это сознавала, ей придется и в самом деле стать покорной чужой воле, если она хочет устроиться на новом месте и понравиться живущим в пансионе Святой Маргарет.

– Надеюсь, среди преподавателей есть хотя бы одна девушка моего возраста, – размышляла Эмили под неровный перестук колес дилижанса. – И я смогу с ней подружиться. Боюсь, мне будет тяжело с моими ученицами, у меня никогда не хватало терпения подолгу общаться с детьми! Да к тому же они занимались со своим учителем уже почти два месяца и успели начать какую-то работу, и мне придется теперь приспосабливаться к его манере преподавания, а я ведь совсем не знаю, какие приемы он использовал!

Экипаж тетушки Фанни поджидал Эмили у дилижанса, чтобы отвезти в Роттингдин. Эмили однажды была в Брайтоне с родителями и по дороге с удовольствием рассматривала знакомые места. Сезон уже закончился, улицы опустели, но одинокой путешественнице, утомленной долгим пребыванием в обществе матери и семьи брата, во всем виделась прелесть новизны.

В своем письме миссис Пэйшенс приглашала племянницу переночевать в ее доме в Брайтоне, но Эмили вежливо отказалась. Ей не хотелось еще на один день отдалять встречу со своим новым пристанищем и предаваться волнению в душной комнатке, обычно предлагаемой тетушкой Фанни своим гостям. Уж лучше сразу узнать как можно больше о пансионе Святой Маргарет, даже если новые знакомства не окажутся приятными, чем запутаться в предположениях, основанных на болтовне тетки.

2

Экипаж остановился у арки, ведущей во внутренний дворик, и привратник немедленно распахнул решетку, отделяющую проход от улицы. Ни лужайки, ни хотя бы узкой полоски травы перед домом не было, и Эмили с некоторой тревогой подумала о том, как часто она сможет бывать на свежем воздухе. «Хорошо бы за домом был сад, где ученицы могли бы выращивать цветы, а потом рисовать их в своих альбомах», – подумала она, проходя вслед за привратником под арку.

Она знала, что современное кирпичное здание школы построено лишь несколько лет назад взамен старого, почти полностью уничтоженного пожаром, и немного жалела о том, что не сможет наслаждаться очарованием старины. Во дворе мисс Барнс с любопытством огляделась, но постаралась не останавливаться и не глазеть по сторонам слишком уж откровенно – вполне возможно, что за ней уже кто-нибудь наблюдает тайком из окна.

Внутри мощеного дворика было пустынно, последние солнечные лучи отливали красным в многочисленных узких окнах, а несколько тяжелых дверей вели в боковые крылья двухэтажного здания, охватывавшие двор с двух сторон. В средней части распахнулась еще одна дверь, видимо, парадная, и из нее вышла сухопарая дама в темном платье и белоснежном чепце.

– Мисс Барнс, я полагаю, – вполне дружелюбно сказала она, и Эмили вдруг почувствовала, насколько взволнована – она смогла только кивнуть, вместо того чтобы ответить, как подобает воспитанной леди.

– Меня зовут мисс Олдридж.

Кучер миссис Пэйшенс помог привратнику поднести к крыльцу вещи мисс Барнс, откланялся, попрощался, и Эмили осталась одна с незнакомыми ей людьми. Впрочем, лишь пока незнакомыми. Мисс Олдридж велела привратнику отнести багаж мисс Барнс в ее комнату и решительно направилась в дом, движением руки пригласив Эмили следовать за ней.

Девушка вошла в просторный холл, лишенный всяких украшений. Широкие коридоры уходили вправо и влево и служили, очевидно, проходами в спальни и классные комнаты. Добротная лестница вела на второй этаж, но была едва освещена, и Эмили не смогла рассмотреть, есть ли наверху такие же коридоры, как на первом этаже. Прямо перед Эмили оказалось три несимметрично расположенные двери, такие же массивные, как входные. Очевидно, в этом доме любили обстоятельность и не стеснялись показывать достаток. Что ж, для молодой учительницы все это выглядело несколько устрашающим, но при этом и обнадеживало – кто знает, может быть, ей удастся здесь обрести тихую гавань и накопить сумму, достаточную для того, чтобы ее взял в жены какой-нибудь подходящий джентльмен.

Мисс Олдридж указала Эмили на эти двери.

– Левая дверь ведет в кухню и службы, в середине находится вход в нашу столовую, а справа – в общую комнату, где ученицы могут играть и беседовать в свободные часы. Идемте, я провожу вас к директрисе.

Экономка направилась в левый коридор, и Эмили двинулась следом, ее сердечко билось от волнения неровно и быстро, словно она долго убегала от кого-то или, напротив, хотела догнать.

Миновав еще одну дверь, экономка постучала в следующую и, дождавшись приглашения войти, распахнула ее.

– Миссис Аллингем, приехала новая учительница рисования, мисс Барнс. – Мисс Олдридж повернулась к Эмили и произнесла: – Проходите, мисс Барнс, а мне надо проследить, чтобы ужин был подан вовремя.

Эмили благодарно улыбнулась пожилой женщине и вступила в кабинет директрисы.

Комната больше походила на кабинет мужчины, чем на женский будуар, но так, вероятно, и должно было быть. Миссис Аллингем сидела за столом, на котором аккуратно были разложены стопки бумаг и несколько конторских книг. За спиной директрисы тянулись ввысь книжные полки, перед зажженным камином, справа от двери, лежали на коврике две толстые кошки. Эмили не любила кошек, их вид не вызывал у нее умиления, но миссис Аллингем, похоже, души не чаяла в этих животных – следы кошачьей шерсти были заметны на ее коричневом платье. Позже Эмили узнала, что директриса могла позволить себе и другие слабости, но в тот момент девушка стремилась произвести хорошее впечатление и изменила своей обычной наблюдательности.

На первый взгляд миссис Аллингем можно было дать никак не менее пятидесяти пяти лет, но на самом деле ей исполнилось лишь сорок шесть. Темные некогда волосы почти полностью поседели, худоба, еще более свойственная директрисе, чем мисс Олдридж, только подчеркивала морщины на желтоватом лице, лишенном как подлинного, так и притворного добродушия.

– Садитесь на тот стул, мисс Барнс, я хочу разглядеть вас при свете лампы, – негромкий голос миссис Аллингем был такой же сухой и невыразительный, как ее лицо, но его невозможно не расслышать даже в гомоне детских голосов, как сразу же поняла Эмили.

Молодая леди послушалась приказа и устремила на директрису любопытствующий взгляд, стараясь, чтобы он не казался дерзким или вызывающим – это было бы непростительной ошибкой.

– Я полагала, вы старше на несколько лет, – с тенью неудовольствия произнесла миссис Аллингем. – Ваша тетя говорила, что вы – старая дева.

Эмили не знала, стоит ли ей что-нибудь отвечать, ведь директриса ни о чем ее не спрашивала, а потому промолчала.

– Что ж, посмотрим, как вы сумеете поладить с нашими ученицами. Среди них есть особы ленивые и не имеющие никаких талантов, но тщетно желающие убедить своих родных в обратном. Они будут обвинять вас в придирчивости и подстрекать друг друга к непослушанию.

Эмили посмотрела на директрису с наивным удивлением.

– Я полагала, миссис Аллингем, что в вашей школе у учителей не возникает таких трудностей, как непослушание и лень. Тетушка писала, что школа Святой Маргарет может служить образцом для любого другого заведения подобного рода, и здесь не зазорно обучаться даже детям герцогов и пэров.

Миссис Аллингем едва заметно улыбнулась, показав этим, что и она неравнодушна к лести. Но на мягко высказанный упрек надо было ответить, и она сказала:

– Все мы здесь денно и нощно прилагаем усилия, чтобы направлять наших девочек по пути добродетели и искоренить в них самые зачатки зла и пороков, но заблудшие овечки встречаются во всяком стаде, особенно если они находят одобрение и поддержку в своих семьях.

Эмили понимающе кивнула. Она не рискнула заходить дальше в своей игре, изображая простодушную особу, а миссис Аллингем ясно дала ей понять, что склонна закрывать глаза на шалости тех из учениц, чьи родные занимают видное положение в обществе или весьма богаты.

Миссис Аллингем, прежде чем согласиться принять мисс Барнс, навела о ней необходимые справки у миссис Пэйшенс и потребовала представить работы Эмили, с тем чтобы прежний учитель оценил способности мисс Барнс. Судя по тому, что мисс Барнс согласились предоставить это место, рекомендации оказались благоприятными, и теперь миссис Аллингем ни к чему было расспрашивать соискательницу о ее умениях. Директриса предпочитала выяснить как можно больше о характере и манерах своей новой преподаватель-

ницы, а потому не менее получаса задавала Эмили различные вопросы о ее прежней жизни, взглядах и устремлениях.

Наученная горьким опытом общения с Маргарет, Эмили старалась отвечать правдиво, но при этом случайно не привести миссис Аллингем в раздражение каким-нибудь излишне легкомысленным высказыванием. По окончании этой беседы Эмили чувствовала себя невероятно усталой, но так и не смогла понять, одобряет ее миссис Аллингем или недовольна ею, так как директриса распрощалась с нею все тем же сухим, равнодушным тоном, каким встретила молодую леди в самом начале.

– Что ж, я полагаю, вы сумеете добиться в нашей школе определенных успехов, если проявите старание и трудолюбие, мисс Барнс, – сообщила миссис Аллингем и дернула за шнурок звонка. – Сегодня вы поужинаете в своей комнате. Новое лицо смутит девочек, отвлечет их от вечерней молитвы и может привести к перешептываниям в спальнях. Наутро вы предстанете перед ними за завтраком, а затем на своем первом уроке.

Эмили благодарно улыбнулась – после изматывающего разговора с директрисой она не готова была встретиться лицом к лицу с семью десятками девочек разного возраста и еще дюжиной их преподавателей, когда каждый будет рассматривать ее, обсуждать внешность и умение держать себя.

В кабинет заглянула горничная, круглолицая женщина лет тридцати с добрым деревенским лицом, и миссис Аллингем велела ей проводить мисс Барнс в отведенную ей комнату и подать туда же ужин.

– Вы будете жить вместе с мисс Эйвери, она ваша ровесница, и вы без труда сумеете договориться. Она расскажет вам о расписании, которого мы придерживаемся в повседневной жизни, а утром проводит вас в столовую. Теперь ступайте.

Эмили поклонилась и вышла вслед за горничной.

«Что ж, можно считать, первая встреча прошла удачно», – думала она, пока поднималась вслед за горничной вверх по темной лестнице. Служанка дала ей наполовину сгоревшую свечу в медном подсвечнике, сама она держала в руках другую и по пути останавливалась, чтобы зажечь свечи в висящих на стене светильниках. «Навряд ли это освещение по случаю моего приезда, – продолжала размышлять Эмили. – Думаю, здесь привыкли экономить на всем, и лестница освещена, только когда ею пользуются. Скоро девочки спустятся к ужину, и нельзя допустить, чтобы они споткнулись и повредили себе что-нибудь из-за падения с лестницы». Эмили задала вопрос горничной и тотчас узнала, что была совершенно права в своих предположениях. Ей захотелось поскорее укрыться в своей новой комнате, прежде чем девочки покинут классы и направятся в столовую.

Путь их, впрочем, был недолог. Горничная распахнула одну из дверей в левом коридоре и пригласила Эмили войти.

– Тут вы и будете жить, мисс. Сейчас я спущусь, чтобы принести вам поесть, а ваши вещи уже здесь. Отдохните пока немного, вы, верно, устали, проделав такой долгий путь.

– Очень устала, – признала Эмили. – Как вас зовут, милая?

– Руби, мисс, – откликнулась служанка. – А как называть вас?

– Мое имя – Эмили Барнс, и я буду преподавать девочкам уроки живописи, – Эмили остановилась на пороге, не решаясь перешагнуть его и неосознанно задерживая служанку – ей все еще страшновато было ступить в новую жизнь.

– Знаю, мисс, прежнего учителя выгнали, потому что он ухаживал за мисс Филлис Найт, ее отец очень богат, – похоже, Руби была не прочь посплетничать, и Эмили тотчас решила держаться со служанкой настороже, чтобы не дать ей повод болтать о себе другим учительницам, которым она прислуживает. – Но мне уже пора на кухню, если я задержусь, кухарка не даст вам ужина, ей еще надо накормить всех остальных.

– О, конечно, ступайте, Руби, я не должна была отвлекать вас от вашей работы, – поспешно сказала Эмили и перешагнула порог, едва Руби повернулась к ней спиной и двинулась по коридору в обратный путь.

Комната оказалась довольно просторной, два высоких окна, к огорчению Эмили, выходили в тот дворик, что она недавно пересекла перед тем, как войти в парадную дверь. Оклеенные темными обоями стены были украшены несколькими картинками, несомненно, нарисованными кем-то из старших учениц. Эмили решила рассмотреть их позже, а сперва оглядеться по сторонам и попытаться по незначительным на первый взгляд деталям определить характер и склонности своей соседки.

Две кровати и тумбочки с кувшинами и тазиками для умывания отделялись от центрального пространства комнаты дешевыми ширмами, также отделанными незатейливыми росписями. На туалетном столике возле одной из кроватей стояло овальное зеркало с заметной трещиной в верхней части. Под зеркалом лежали щетки для волос, два или три флакончика и носовой платок.

– Кажется, мисс Эйвери не очень-то аккуратная особа, – пробормотала Эмили – поверхность туалетного столика была покрыта пятнами, лежащие на нем предметы не разложены, а скорее небрежно брошены.

Из приоткрытой дверцы гардероба выглядывал край голубого платья, а на столе посередине комнаты Эмили нашла несколько книг, среди которых был и новый роман.

Эмили испытывала неловкость, осматривая чужие вещи, а потому поторопилась вернуться к собственному багажу, заботливо составленному возле кровати, что стояла справа от двери. Пока девушка раскладывала на кровати самое необходимое, появилась Руби с подносом.

– Вот и я, мисс, садитесь к столу да покушайте хорошенько, – заявила она и тут же неодобрительно поморщилась, заметив беспорядок на столе. – Ох уж эта мисс Эйвери! И всегда-то у нее книжки не в порядке!

– Какая она, мисс Эйвери? – не удержалась от вопроса Эмили.

Руби пристроила поднос на краю стола и решительно сгребла книги в одну бесформенную груду.

– Мисс Эйвери сирота, она даже не знает своих родителей. Кажется, один добрый викарий хорошо знаком с нашей директрисой. Вот он и попросил миссис Аллингем уговорить прежнюю директрису взять крошку к себе. Я в то время не служила здесь, но другие горничные говорили, что маленькая мисс Хелен была необыкновенно хорошенькой и к тому же на редкость сообразительной. Она училась лучше всех остальных учениц, хотя оно и понятно – девушке без семьи и без денег надо пробиваться самой, чтобы не попасть в работный дом. Она бы пошла в компаньонки или в гувернантки в какой-нибудь богатый дом, если б миссис Аллингем не предложила ей остаться здесь и обучать девочек красиво писать и придумывать всякие истории.

Эмили понимающе кивнула – судьба мисс Эйвери не показалась ей необычной. Девушки из бедных, но приличных семей только так и могли заработать себе на жизнь, а уж о сироте неизвестного происхождения и говорить нечего. Мисс Эйвери очень повезло, что она осталась в том месте, в котором выросла и к которому привыкла.

Руби рада была бы поговорить с новой учительницей, но обязанности требовали ее присутствия в другом месте, и она неохотно оставила мисс Барнс, пообещав зайти через час за подносом. В надежде на новые рассказы Эмили ласково поблагодарила горничную и присела к столу.

Еда не показалась ей столь изысканной, какой была в доме Маргарет, но после непритязательной пищи в придорожных харчевнях Эмили поела с удовольствием. Руби явно сочла мисс Барнс слишком худой – порция была так велика, что юная леди с трудом справилась с

ней, но оставлять пищу показалось ей неправильным – вдруг здешняя кухарка обидчива и сочтет плохой аппетит мисс Барнс оскорблением?

После долгой дороги и обильного ужина Эмили почувствовала неодолимое желание уснуть, которому не смогла противиться. Не раздеваясь, она прилегла на кровать, накрылась шалью и почти мгновенно погрузилась в глубокий, безмятежный сон.

3

Эмили проснулась внезапно и в первую минуту не могла понять, где находится – перед глазами оказалась лишь ширма, но почти сразу девушка вспомнила, что лежит на кровати в своей комнате, в школе Святой Маргарет. Она догадалась по легкому шороху, что находится в комнате не одна, и поторопилась подняться с постели.

Из-за ширмы послышался звонкий молодой голос:

– Простите, мисс Барнс, я уронила книгу, и, кажется, моя неловкость разбудила вас! Но раз уж вы все равно встали, не желаете ли выпить со мной чаю? Я весь вечер читала девочкам, и в горле у меня словно насыпано песка.

Пока мисс Эйвери говорила все это, Эмили успела поправить волосы, одернуть платье и выйти из своего укрытия.

Сидящая за столом молодая девушка и в самом деле казалась равной Эмили годами. Комната была слабо освещена, и Эмили не без труда рассмотрела внешность своей соседки.

Тонкие, заостренные черты лица напоминали лисью мордочку, но не содержали ни одного намека на простонародные корни. Несомненно, один из родителей мисс Эйвери, или даже оба, принадлежал к благородной семье. Светлые волосы в сочетании с необычными рыжевато-карими глазами делали личико мисс Эйвери запоминающимся. «Пожалуй, она и в самом деле очень хорошенькая, но слишком худая. Наверное, бедняжка Руби изо всех сил старается это исправить», – подумала Эмили, с приветливой улыбкой подошедшая поздороваться с мисс Эйвери.

И в самом деле, худоба этой юной леди выглядела несколько болезненной и невольно вызывала у человека, смотревшего на нее, тягостные мысли о чахотке, хотя девушка казалась абсолютно здоровой.

Ресницы мисс Эйвери были скорее серебристыми, но в слабом свете двух свечей выглядели почти черными и придавали ее блестящим глазам выразительность.

– Меня зовут Хелен, – мисс Эйвери поднялась из-за стола и протянула Эмили тонкую руку.

– А меня – Эмили.

– О, я знаю, все уже неделю только и говорят о том, что скоро в нашей компании появится новенькая, – рассмеялась Хелен. – Садитесь, прошу вас. Руби сейчас принесет чай. Она всегда ворчит на меня из-за того, что я ленюсь складывать как следует свои платья и книги, но очень добра ко мне и даже балует иногда лишним куском пирога или деревенским яблоком.

Эмили присела за стол напротив новой знакомой, и девушки принялись оживленно болтать. Руби не замедлила появиться, и чай весьма ободрил все еще немного сонную мисс Барнс.

Через час ей уже казалось, что она знакома с Хелен всю свою жизнь. Мисс Эйвери болтала легко и непринужденно, в ее словах было столько остроумия, что Эмили очень скоро вполне могла себе представить всех учителей этого пансиона, как будто она видела их воочию.

Маленькая, полная и добродушная миссис Фирман обучала девочек шитью и рукоделию. По словам Хелен, миссис Фирман была глупее цыпленка, но ее руки творили чудеса, и миссис Аллингем смирялась с тем, что бедняжка не способна запомнить, сколько полотна ушло у нее в прошлом месяце или куда исчезли все шелковые нитки из запасов мисс Олдридж, ведь все девочки любили миссис Фирман за ее доброту, а вышивкой ее лучших учениц было не стыдно украсить даже алтарный покров.

Миссис Вильерс, недавно овдовевшая, занималась с ученицами французским языком. Но главным ее призванием были сплетни. Она каким-то образом оказалась посвящена в семейные тайны едва ли не всех учителей и учениц, и не было для нее большего удовольствия, чем узнать новости о последнем светском скандале в Брайтоне, Лондоне или даже на материке.

– При этом на нее совсем нельзя сердиться, во всяком случае долго, – без неприязни к миссис Вильерс говорила Хелен. – Она бывает забавна, честно сказать, кроме нее, здесь и не с кем обменяться парочкой остроумных выражений. О, если бы ты знала, как мне не хватает этого развлечения – сесть и хорошенько поболтать с подругой. Раньше я дружила с мисс Леверли, но она вышла замуж за молодого капитана и уехала. Теперь, когда ты тут, я надеюсь, мы будем проводить много времени в приятных беседах.

Эмили легким наклоном головы согласилась с подругой, и мисс Эйвери продолжила рассказывать о здешних обитателях.

Мистер Хотчинс преподавал историю, и на его занятиях всегда стояла напряженная тишина, так захватывающе этот сухонький старичок мог рассказать о любом, даже самом мрачном событии нашей истории.

– Он обожает леденцы, и у меня всегда в запасе есть пакетик, на случай если мне понадобится, чтобы он заменил меня во время вечернего чтения, – со смехом призналась мисс Эйвери.

Эмили не стала расспрашивать новую подругу, как она проводит эти вечерние часы, краткость их знакомства еще не позволяла подобные вольности, но любопытство ее было задето – Хелен охотно рассказывала обо всех, кроме себя самой.

О директрисе Хелен отзывалась сдержанно, и это Эмили тоже могла понять. Кто знает, может быть, новая учительница захочет выйти в любимицы миссис Аллингем при помощи сплетен и злословия, и в первый вечер знакомства лучше воздержаться от излишней откровенности.

Мисс Олдридж была правой рукой директрисы, но при этом к ней относились скорее с уважением, чем со страхом. Никто никогда не мог уличить ее в несправедливости – так сказала мисс Эйвери.

Про других учителей она распространялась в том же духе, и Эмили уж было подумала, что между преподавателями в школе Святой Маргарет установились теплые, дружеские отношения, когда мисс Эйвери упомянула об учительнице музыки, мисс Брент, с видом самым недоброжелательным и раздраженным.

– Вот увидишь, мисс Брент невзлюбит и тебя, как она не любит меня и всех хорошеньких учениц, – предупредила Хелен.

– Но почему? – Эмили не могла поверить, что кто-то отнесется к ней плохо, даже не успев узнать ее.

– Мисс Брент – старая дева, ей скоро исполнится тридцать лет, и она не выносит всех, кто моложе этого возраста, – насмешливо улыбнулась Хелен. – К тому же она была дружна с предыдущим учителем рисования, мистером Реддоком, больше того, поговаривали, что она надеялась стать его женой, а теперь ему пришлось уехать из Роттингдина. Уверена, она будет смотреть на тебя как на узурпаторшу, захватившую чужое место!

– Если я правильно поняла, мистер Реддок повел себя неподобающим образом в отношении кого-то из учениц, – возразила Эмили. – Значит, его уволили заслуженно, и у мисс Брент нет оснований обижаться на меня, во всем виноват лишь он сам!

– А-а, ты уже слышала кое-что из здешних сплетен, – развеселилась Хелен. – Лично я не верю, что Гарольд Реддок повел себя неблагородно, он – настоящий джентльмен. Скорее всего, мисс Брент из ревности донесла на него миссис Аллингем. Раз уж она не смогла заполучить его – пусть уезжает, наверное, таковы были ее мысли.

Эмили не хотелось с первого же дня погружаться в самую сердцевину чужих интриг, и ей неприятна была сама мысль, что на нее станут косо смотреть из-за того, что ее предшественнику пришлось оставить свое место. Именно это она и сказала мисс Эйвери, и Хелен понимающе закивала тщательно причесанной головкой:

– О, я вполне понимаю тебя, дорогая. Но тебе нет нужды беспокоиться из-за мисс Брент, она никого не любит здесь, и никто не любит ее. Ей нужна только музыка, и она прекрасно играет, иначе миссис Аллингем давно нашла бы ей замену. А теперь нам пора ложиться в постель, пока не догорели свечи, иначе придется укладываться в полной темноте.

Эмили не привыкла экономить свечи, но ей хватало здравомыслия понимать, что уклад жизни в пансионе, пусть и процветающем, может сильно отличаться от порядков, заведенных в домах состоятельных леди и джентльменов, к которым причисляли себя ее мать и брат с женой. «Я привыкну», – подумала она.

– Нам ничего не мешает поболтать, когда мы уляжемся, – утешила ее Хелен. – Я давно мечтала, чтоб у меня появилась приятная соседка, и вот моя мечта сбылась!

На душе у Эмили потеплело от этого искреннего проявления дружеских чувств. Все же она не могла сказать, что на новом месте ей оказали дурной прием, несмотря на строгость директрисы.

Конечно, она не привыкла делить комнату с кем-то еще, но она была уверена, что и Хелен, в свою очередь, окажется приятной соседкой, даже несмотря на некоторую неряшливость. «У меня хватит сил за двоих поддерживать порядок в нашей комнате, – думала Эмили, разбирая постель. – И надо договориться, как мы поделим гардероб. Наверное, у Хелен не так много платьев, и там вполне хватит места и для моих туалетов».

Все же Эмили не удержалась, чтобы не задать несколько вопросов о жизни самой Хелен. Она не стала выдавать Руби, уже сообщившую ей кое-что о мисс Эйвери, но постаралась говорить с подругой как можно мягче, чтобы не оскорбить ее чувства какой-нибудь бестактностью.

Хелен отвечала без всякого смущения, даже если щеки ее и покраснели, темнота в комнате и две ширмы, разделявшие кровати девушек, надежно это скрывали.

– Я не помню своих родителей, кажется, они умерли, когда я была еще младенцем, и судьба моя могла бы сложиться самым ужасным образом. К счастью, один добрый друг пожертвовал некоторую сумму на мое обучение и уговорил миссис Аллингем, тогда еще помощницу директрисы, принять меня и найти мне кормилицу, а нянькой моей была сама мисс Олдридж, когда у нее было на меня время, конечно. Эта школа поистине стала моим домом, и я очень горевала, когда сгорело старое здание вместе с моими игрушками, книжками и всем, что было для меня памятно.

– Очень жаль, но я рада, что миссис Аллингем оценила твои таланты и предложила тебе остаться здесь после того, как ты выросла, – ободряюще произнесла Эмили, в словах Хелен ей все же почудилась некая горечь.

– Поверь, миссис Аллингем ничего не делает лишь из великодушия. Первое время она ничего не платила мне за труды, только покупала раз в год новое платье и ботинки. Я давно уже отработала все деньги, что она вложила в мое образование, – фыркнула в ответ Хелен. – Последние два года, правда, она смягчилась, и я уже могу кое-что откладывать из своего заработка.

– Ты собираешься накопить приданое? – Эмили приподняла голову с плоской подушки, ведь забота о приданом живо интересовала ее саму.

– Чего я точно не собираюсь, так это провести здесь всю жизнь и состариться, как мисс Брент, – тут же ответила Хелен. – Я не умею экономить, мне слишком нравятся красивые вещи и новые романы, так что лучше я буду нарядно одеваться, когда выхожу из школы, и

надеяться, что брат или дядя какой-нибудь из наших богатеньких учениц, что навещают их по воскресеньям, обратит на меня внимание!

Эмили до сих пор не задумывалась о том, что в школе Святой Маргарет она будет вовсе отрезана от общества. Теперь же она поняла, что Хелен права – у каждой ученицы есть семья, и родственники приезжают в школу, чтобы поинтересоваться успехами своих девочек, побеседовать с преподавателями и хвалить или порицать их, в зависимости от того, насколько успешно девочки усваивают знания. Но мечты Хелен простирались так далеко, что Эмили невольно почувствовала восхищение. Выйти замуж за состоятельного родственника одной из учениц, завести роман под самым носом миссис Аллингем и ее наперсницы мисс Олдридж – для этого надо иметь немалую храбрость.

Эмили хотела расспросить мисс Эйвери еще о столь многих вещах, касающихся школы, но усталость одолевала ее, и она благоразумно решила отложить на завтра расспросы о характерах учениц, о заведенном в школе распорядке и о том, есть ли при школе сад, где она могла бы прогуливаться и давать девочкам уроки рисования на натуре. Хелен поняла по сонному голосу подруги, что Эмили уже не способна вслушиваться в ее болтовню, поэтому пожелала мисс Барнс доброй ночи, и в комнате наступила тишина.

4

Утром Хелен разбудила Эмили пением и веселой болтовней.

– Просыпайся, дорогая, не хватало еще, чтобы ты опоздала к завтраку в первый же день своего пребывания в этом пансионе!

Эмили, щурясь и моргая, подошла к окну и отодвинула тяжелую портьеру. Во дворике было сумрачно, около одной из боковых дверей с телеги разгружали какие-то мешки и корзины, а мисс Олдридж, в шали и чепчике, присматривала за работниками. Эмили догадалась, что дверь ведет в подсобные помещения, и ее снова охватило любопытство, захотелось поскорее освоиться в этом новом месте, узнать, что скрывается за каждой дверью.

«Сегодня я все это узнаю! Хоть бы у меня не было слишком много уроков сегодня!» – подумала она и поторопилась вытащить платье, приготовленное ею для первого дня в школе.

– Ты не привезла с собой зеркало? – спросила Хелен, уже закалывавшая локоны перед своим туалетным столиком, на котором по случаю раннего утра громоздился еще больший беспорядок, чем накануне.

– У меня есть только небольшое зеркало, – отозвалась Эмили, с трудом представляя себе, как будет сооружать прическу, глядя в ручное зеркальце то одним глазом, то другим.

– Тогда я сейчас закончу и уступлю тебе место, – великодушно заявила Хелен. – Но в дальнейшем тебе следовало бы подумать о собственном туалетном столике. Мне пришлось не один день упрашивать мисс Олдридж поставить этот в моей комнате. Его оставила одна из богатых девушек, завершившая свое обучение, но мисс Олдридж собиралась отдать его миссис Вильерс. Она живет вместе с миссис Фирман, и у них есть колченогий столик, но зеркало никуда не годится, старое и мутное. Все-таки я одержала победу!

Эмили подошла к зеркалу, едва подруга закончила оправлять локоны. У нее не было денег на покупку мебели, но придется, видимо, в ближайший выходной день прогуляться по лавкам, какие только найдутся в Роттингдине, и купить себе хотя бы небольшое зеркало, чтобы повесить его над тумбочкой. Хелен, конечно, заботлива и щедра, но явно любит проводить время, сидя за своим столиком, и у Эмили не хватило бы эгоизма лишать подругу этого невинного удовольствия.

Оставался еще вопрос с гардеробом, и здесь Хелен проявила еще большее великодушие, заявив, что у нее мало платьев даже на половину гардероба, а потому она ничуть не возражает, если Эмили разложит свои вещи так, как привыкла делать дома.

Мисс Барнс не стала обижать Хелен сообщением, что до сих пор она не привыкла сама заботиться о своих нарядах, за нее это делала прислуга. Что ж, и к этому тоже придется привыкнуть, хорошо хотя бы то, что она не боится трудностей и не стесняется спрашивать совета о том, чего еще не знает. Руби не откажет ей в помощи, если понадобится.

Через четверть часа обе юные леди покинули свою комнату. Эмили надела простое коричневое платье с маленькими буфами на рукавах, от которого загодя, еще дома, отпорола атласные ленты и заменила рюши у ворота скромной полоской кружева, а волосы собрала в мягкий узел на затылке – именно так когда-то делала ее гувернантка.

– Как, по-твоему, Хелен, я выгляжу подобающим образом? – взволнованно спросила Эмили, с трудом отводя взгляд от зеркала.

Мисс Эйвери одобрительно кивнула.

– Ты как будто стала старше, но это даже неплохо, девочки будут относиться к тебе с большим уважением, если, конечно, тебе удастся его заслужить, – напутствие слегка напугало Эмили, но переживать по поводу приема, который ей окажут через полчаса ученицы, у нее уже не было времени.

Едва Хелен распахнула тяжелую дверь, Эмили услышала гул множества голосов, перемежаемый смехом и даже визгом.

– Идем, мы как раз вовремя, завтрак начнется через пять минут, – Хелен вытащила из мешочка, висевшего на поясе ее синего платья, маленькие изящные часики и взглянула на них.

Эмили никак не ожидала увидеть такую прелестную безделушку в руках скромной молодой учительницы, но расспрашивать Хелен было неловко. К тому же с подругами как раз поравнялись две хорошенькие девушки в серых форменных платьях, чепчиках и белых передниках из довольно дорогого полотна.

– Доброе утро, мисс Эйвери, – почти одновременно пропели они и без стеснения с любопытством уставились на Эмили.

– Доброе утро, мисс Сэмпсон, мисс Рикман, – так же весело ответила им Хелен и указала на Эмили: – А это – мисс Барнс, она будет учить вас рисовать портреты и пейзажи.

Обеим ученицам уже наверняка исполнилось по шестнадцать лет, и Эмили едва ли не с испугом подумала о том, какие же они взрослые! Она совсем ненамного старше их!

Девушки поздоровались с мисс Барнс с той же веселой приветливостью и тут же поспешили догонять своих трех подружек, задержавшихся на лестничной площадке. Мисс Сэмпсон, стройная брюнетка со вздернутым носиком и чуть оттопыренной нижней губкой, произнесла несколько слов, и вся компания девушек обернулась к приближающимся к ним учительницам.

– Мисс Сьюзен Сэмпсон и мисс Энид Рикман – кузины, их отцы владеют приличными состояниями, и девушки получат хорошее приданое, – торопливо просвещала Хелен свою подругу. – Они единственные, кто могут соперничать с мисс Филлис Найт, и часто затевают с ней перепалки. Тебе лучше подружиться с обеими сторонами, иначе, если ты будешь выделять какую-то одну, другая постарается отомстить тебе.

– А которая из девушек мисс Найт? – Эмили старалась скрыть охвативший ее испуг – на площадке и ниже, на лестнице, девушек и девочек было так много, что она боялась никогда не запомнить их имена и лица.

– Я не вижу ее, – отозвалась Хелен. – Возможно, она опять чувствует недомогание, и горничная отнесет поднос в ее комнату. Она часто пропускает завтрак.

– В ее комнату? – переспросила Эмили. – У нее есть собственная комната?

– Ну конечно, – Хелен насмешливо улыбнулась простодушию подруги. – В нашем крыле находятся комнаты учительниц и тех учениц, чьи родители – слишком важные персоны, чтобы их дочери ночевали в общих спальнях. Правда, только мисс Найт занимает отдельную комнату, другие богатенькие девочки живут по двое, а маленькие – по трое. С другой стороны лестницы находятся общие спальни, комната для занятий музыкой и гимнастический зал, на первом этаже с нашей стороны – кабинет миссис Аллингем и ее личные покои, зала для заседаний попечительского совета и подсобные помещения, а в противоположном крыле – классы. Скоро ты освоишься, а пока постарайся запомнить хоть что-нибудь из того, что я болтаю.

Эмили подумала, что это отнюдь не просто, тем более что в стоявшем в холле шуме она расслышала не все из сказанного Хелен, но останавливаться и переспрашивать было некогда – подруги вошли в распахнутые двери столовой.

Девочки рассаживались за длинными столами, для учителей был приготовлен отдельный стол, возле одного из высоких окон, за которым Эмили, к своему удивлению, увидела на фоне едва начавшего светлеть неба силуэт церкви.

Мисс Эйвери представила Эмили людям, уже сидящим за столом, и обе молодые леди уселись. Описания Хелен оказались весьма точны, и Эмили без особого смущения ответила на приветствия мистера Хотчинса, миссис Фирман и миссис Вильерс. Директрисы еще не

было, а коренастая дама в строгом платье и крепких ботинках, прохаживающаяся вдоль столов, чтобы навести порядок, походила на мисс Брент. Эмили шепотом спросила подругу, так ли это, и Хелен охотно подтвердила эту догадку.

Девочки рассаживались группками сообразно своему возрасту. Самым младшим было на вид не более десяти-одиннадцати лет, хотя встречались и девчушки поменьше. Отдельно сидели девушки из старшего класса, среди них было много хорошеньких, их лица не портили даже простые чепчики и скромные платья. Впрочем, некоторые из старших учениц носили свои школьные платья с таким изяществом, что выглядели вполне светски, возможно, платья подверглись некой тайной переделке.

Эмили спросила Хелен о церкви, смутно видневшейся за окном, и мисс Эйвери пояснила, что прямо за низкой оградой позади здания школы находится кладбище и церковь Святой Маргарет, покровительницы пансиона.

– Новое здание гораздо больше прежнего, ради устройства классов и просторных спален попечители пожертвовали садом, и наши ученицы теперь гуляют на кладбище, – вмешался в разговор седовласый мистер Хотчинс.

– На кладбище? – едва ли не с ужасом переспросила Эмили, не представлявшая себе более неподходящего места для детских игр.

– Не стоит быть такой чувствительной, дорогая моя, – Хелен ободряюще сжала руку Эмили. – Старая часть кладбища весьма живописна, и девочки ничуть не боятся соседства надгробий. Наши ученицы помогают прихожанам ухаживать за старыми могилами, поэтому викарий весьма благоволит нам. В хорошую погоду мы иногда спускаемся на берег реки, там есть полюбившаяся девочкам лужайка, и устраиваем настоящие пикники!

Эмили только покачала головой – ее мечта о рисовании в саду рухнула. Впрочем, возможно, на кладбище найдутся уютные уголки, где можно будет поставить мольберт и попытаться нарисовать хотя бы церковь.

Все разговоры в столовой прервало появление миссис Аллингем, которая величественно, несмотря на худобу, проследовала к своему месту, а мисс Брент встала в дальнем конце одного из столов, примерно посередине залы, чтобы прочитать молитву.

Эмили подумала, что никогда еще не видела более некрасивой женщины. Даже оплывшее лицо Маргарет Барнс когда-то выглядело более привлекательным, нежели черты мисс Брент.

Ее лицо было вытянутым книзу, с широкими скулами и тяжелым подбородком, правильной формы нос казался слишком крупным для женского лица, но большие темные глаза под широкими бровями смотрели уверенно и даже властно. Старомодное темно-серое платье подчеркивало недостатки коренастой, простонародной фигуры, не помогала даже прямая осанка. И только руки мисс Брент, держащие молитвенник, выдавали в ней музыкантшу. Тонкие, сильные пальцы, узкие кисти как будто принадлежали какой-то другой женщине, шутки ради вставшей за спиной мисс Брент.

«Понятно, почему она не дает частные уроки, – подумала Эмили, отстраненно вслушиваясь в звучный голос мисс Брент. – Даже будь она необыкновенно талантлива, ни одна семья не пригласит к своей дочери такую некрасивую преподавательницу. Бедняжка, если она и в самом деле была влюблена в учителя рисования, навряд ли у нее имелись шансы покорить его. Я не удивлена, если она обладает дурным нравом, и мне трудно поверить, что такая, как она, может находить утешение в музыке. Хотя ее глаза кажутся сейчас одухотворенными, возможно, ей помогает не впадать в отчаянье ее вера».

Чтение молитвы закончилось, но мисс Брент так и осталась стоять на своем месте. Миссис Аллингем кивнула, позволяя начать завтрак, и ученицы и преподаватели склонились над столами. Хелен шепотом сообщила Эмили, что учительница, дежурившая на этой неделе, следит за порядком в столовой, на прогулке и в комнате для игр.

– Терпеть не могу дежурить, – пробормотала Хелен.

Эмили решила, что все эти обязанности не кажутся ей чересчур утомительными – девочки вели себя вполне пристойно, но ведь неизвестно, каковы они будут, оставшись наедине с учительницей.

Завтрак оказался простым, но весьма обильным. Хотя бы голодать здесь не придется, мелькнула у Эмили мысль. Ее гувернантка говорила, что в школе, где училась она, еды всегда не хватало, так же, как и угля и ботинок подходящего размера, но та школа была для самых бедных, а в пансионе Святой Маргарет училось немало девочек из состоятельных семей, хотя были и те, что не могли похвастать достатком и связями, как, например, та же Хелен, взятая в пансион из милости.

По окончании завтрака миссис Аллингем дала себе труд подняться на ноги и своим бесцветным голосом, слышимым, однако, даже в самых отдаленных уголках столовой, сообщила присутствующим, что сегодня с ними завтракает и новая преподавательница, мисс Барнс.

Эмили пришлось встать и поклониться, лицо девушки, к вящей ее досаде, покрылось краской смущения, но она дерзко обвела взглядом своих будущих учениц – нельзя показывать им свой испуг.

Усевшись на свое место, миссис Аллингем уведомила мисс Барнс, что ее первый урок состоится тотчас после завтрака, с девочками из младшего класса. Этому Эмили обрадовалась, она еще не готова была встретиться с двадцатью старшими ученицами, на чьих лицах успела заметить и интерес, и скептические усмешки, и явное неодобрение.

Вслед за миссис Аллингем поднялись из-за стола и другие учителя, даже если не успели закончить завтрак. Эмили поняла, что надо быть порасторопнее – сегодня она больше смотрела по сторонам и слушала, что говорит Хелен, и, хоть и не осталась голодной, могла бы съесть еще парочку оладий. Эмили обладала здоровым аппетитом и при этом не поправлялась в талии, чему несказанно завидовала Маргарет.

Хелен любезно проводила новую подругу до ее класса, после чего направилась в свой. Девочки уже были в классе – Хелен нарочно немного задержала Эмили, чтобы та вошла после того, как все дети займут свои места. По мнению мисс Эйвери, эта тактика позволяла избежать неловкости, когда учительница уже начала говорить, а девочки одна за другой еще вбегают в класс.

– Добрый день, девочки. Вы уже знаете, что меня зовут мисс Барнс, и я постараюсь научить вас рисовать пейзажи и портреты, – начала Эмили, с приветливой улыбкой оглядев класс.

Двадцать семь девочек смотрели на нее с любопытством, их глаза, карие, голубые, лукавые и задумчивые, показались Эмили звездами, могущими указать верный путь, а подчас и сбить с него, если неправильно прочесть по ним дорогу.

– Я не знаю, чем вы занимались с мистером Реддоком, поэтому вы должны помочь мне и показать свои работы. Нельзя, чтобы рисунки, начатые вами с другим учителем, остались недоделанными, – продолжила Эмили, одновременно прислушиваясь – не раздается ли на задних партах шепот или смех. Если она позволит девочкам вольности, они уже никогда не послушаются ее.

К счастью для мисс Барнс, маленькие ученицы почти все еще любят рисовать, и каждая охотно показала бы новой учительнице свой рисунок, если бы все работы не были сложены в папку, лежащую на столе возле окна. Об этом мисс Барнс робко сказала одна из учениц, сидевшая в первом ряду. Застенчивое личико девочки сразу понравилось молоденькой учительнице. Эмили взяла со стола папку и предложила девочке самой раздать рисунки своим подружкам, ведь мисс Барнс еще не знакома с ними.

– Как вас зовут, маленькая мисс? – спросила она девочку, с важным видом принявшую из рук учительницы папку.

– Эми…ли, – смущенно пробормотала девочка.

– Надо же, меня тоже зовут Эмили, – улыбнулась мисс Барнс.

По классу пронесся смешок, и Эмили с удивлением посмотрела на девочек.

– Разве такое совпадение не могло случиться? Наверное, среди вас есть и еще Эмили, – с укоризной заметила она.

– Они смеются, потому что мое полное имя – Эмили, а фамилия моя – Ли, но все зовут меня Эми, Эми Ли, – пояснила покрасневшая девочка. – Эмили Ли звучит очень смешно, как будто говоривший заикается.

Учительница не стала говорить вслух, что она думает о причудах родителей девчушки, назвавших свое дитя столь неподходящим именем, лишь понимающе кивнула.

– Что ж, Эми Ли, я тоже буду называть тебя так. Вот мы с тобой и познакомились, и будь уверена, теперь я не забуду твое имя, – Эмили старалась ободрить ученицу, опасаясь, что в классе бедняжку частенько поддразнивают другие девочки. – Боюсь, пройдет немало времени, прежде чем я выучу все ваши имена.

Эми Ли с довольным видом заняла свое место, а самые бойкие из девочек, сидящие в последних рядах, внезапно почувствовали себя задетыми – как это мисс Барнс могла сразу же запомнить тихоню Эми Ли и не запомнит тотчас же их имен, не таких нелепых?

Эмили поняла, что девочки испытывают ревность и уже готовы бороться за симпатии новой учительнцы. У нее не было времени подумать, как лучше вести себя, а потому она постаралась говорить громче и предложила ученицам поочередно показать классу и ей свой рисунок и назвать при этом свое имя. Начать же она велела девочкам с последнего ряда. Таким образом, она избежала недовольного ропота из дальних уголков класса, где сидели самые нетерпеливые.

Едва взглянув на несколько работ, Эмили сумела оценить талант мистера Реддока. На рисунках был изображен один и тот же сюжет – вид на церковь Святой Маргариты, открывающийся прямо из окон класса. Некоторым девочкам очень верно удалось передать перспективу, несмотря на сложную для столь юных учениц композицию. Эмили похвалила их работы и постаралась сказать несколько ласковых слов каждой девочке, выделив у одной насыщенный цвет неба, у другой – четкий силуэт церкви, у третьей – миниатюрные фигурки, в которых легко узнавался викарий и его прихожане.

– Что ж, мы продолжим доделывать ваши работы, а лучшую из них подарим викарию, что вы об этом думаете? – спросила Эмили, когда последняя из девочек показала свой рисунок, назвалась и вернулась на свое место, краснея от похвалы новой учительницы.

Радостный гомон говорил о том, что девочки одобряют идею мисс Барнс, но кто-то все же спросил – а как именно будет выбираться лучшая работа?

– Полагаю, это решит миссис Аллингем, – тотчас нашлась Эмили, ей вовсе не хотелось выступать в роли судии, ведь тогда ей не избежать обид тех, чьи талант и усердие еще нуждаются в шлифовке. – А сейчас мы с вами попробуем нарисовать что-нибудь простое, чтобы я смогла увидеть, как вы держите карандаш, насколько уверенно наносите линии, какова ваша манера рисования.

Многим девочкам очень понравилось, что у них есть собственная «манера», и Эмили, не прилагая к этому особенных усилий, с первого раза почти завоевала детские сердца. Она пообещала девочкам поговорить с ними вечером в комнате для игр, получше узнать о каждой из них, и дети уже были готовы полюбить.

По окончании урока Эмили чувствовала себя довольной. Она и не ожидала, что ее первый урок пройдет так хорошо. Она пожелала посмотреть и другие рисунки учениц, скорее

для того, чтобы понять, чему именно их учил мистер Реддок и не следует ли и ей перенять некоторые его приемы.

До обеда у нее больше не было занятий, но после ей предстояло серьезное испытание – первый урок со старшими ученицами. Свободное время Эмили посвятила обустройству своей части комнаты – разложила вещи так, чтобы все нужное всегда было под рукой, постаралась придать прежний аккуратный вид своим платьям, измявшимся за долгую дорогу, расставила на каминной полке кое-какие памятные сердцу безделушки…

Миссис Барнс наказывала дочери часто писать, но Эмили сомневалась, что ее новости будут интересны матери, скорее покажутся незначительными мелочами, и решила посвятить написанию писем вторую половину воскресенья, если это позволят ее новые обязанности. Она собиралась поддерживать переписку с двумя подругами, хоть и понимала, что со временем эта связь, наверное, прервется. Мэри была помолвлена, скоро ее ожидали другие заботы, а Рэйчел, остроумная, но несколько заносчивая барышня, весьма неодобрительно отнеслась к тому, какой путь выбрала Эмили. Лучше бы мисс Барнс показываться почаще в свете и постараться найти себе мужа, старше себя или даже вдовца, согласного жениться на девушке без приданого, чем прозябать жалкой учительницей где-то на краю света. Эмили не стала говорить Рэйчел, что все за нее решила мать, и отношения между подругами ко дню отъезда Эмили заметно охладели.

5

Обед прошел почти так же, как завтрак, с той лишь разницей, что миссис Аллингем на нем не появилась.

– Директриса часто обедает в своей гостиной одна или с гостями, попечителями, викарием или с кем-то еще, – пояснила Хелен после того, как Эмили рассказала о своем первом уроке.

Миссис Фирман спросила, свободна ли мисс Барнс вечером и не сможет ли помочь ей придумать новый узор для вышивки с младшими девочками. Эмили охотно согласилась, не обращая внимания на насмешливую улыбку Хелен. Миссис Вильерс также стремилась завладеть вниманием Эмили, ведь бедная мисс Барнс еще не знакома с ее богатой коллекцией сплетен, но Эмили сумела отговориться от вечернего чаепития тем, что ей нужно подготовиться к завтрашним урокам и разобрать свои вещи.

– Мы придем к вам завтра, миссис Вильерс, – пообещала Хелен, и миссис Вильерс утешилась.

После обеда ученицы должны были около часа гулять, и прогулка не отменялась, даже если погода портилась. Эмили смотрела в окно одного из классов, как, несмотря на дождь, маленькие фигурки в плащах и шляпках бродили среди могил.

– Жуткое место, не правда ли? – послышался за ее спиной голос Хелен.

– Почему не разбить сад где-нибудь рядом со школой? – Эмили жалела о том, что не может подышать свежим воздухом, но мрачный пейзаж за окном не вызывал у нее желания присоединиться к девочкам, за которыми присматривала мисс Брент.

– Соседний с нами дом раньше принадлежал торговцу шерстью, но потом он разорился, и ему с семьей пришлось куда-то уехать. Попечительский совет уже давно пытается разыскать их, чтобы выкупить дом и прилегающий к нему участок земли. Если снести склады, там достаточно места, чтобы развести огород, посадить цветы и деревья, и еще останется место под площадку для игр. А в самом доме хотели устроить спальни для самых богатых учениц и покои директрисы. Но пока что этот план неосуществим.

– Надеюсь, мы с тобой застанем эти счастливые времена, когда у школы появится свой сад, – с надеждой откликнулась Эмили и отвернулась от окна.

– Говори за себя, дорогая, я мечтаю уехать отсюда до того, как мне исполнится двадцать пять лет и искать другое пристанище будет уже слишком поздно, – Хелен решительно взмахнула рукой, словно обрубая нити, связывавшие ее со школой Святой Маргарет с самого детства, и выбежала из класса.

Эмили только покачала головой. Похоже, ее новой подруге до смерти надоело это место, и нельзя было ее в том винить.

Вместо прогулки Эмили прошлась по школьным коридорам. Ходьба отвлекала ее от мыслей о предстоящем уроке в старшем классе.

С еще большим, нежели утром, волнением входила Эмили в класс, где ее ожидали уже вполне взрослые молодые леди, из которых многие превосходили свою новую учительницу красотой, состоянием и безупречностью манер.

Серый свет осеннего дня уже едва проникал сквозь узкие окна, и в классе горело множество ламп – об этом позаботилась мисс Олдридж. Большинство занятий живописью приходилось на светлые утренние часы, но сейчас преподавательница изящных манер, мисс Хамфрис, уехала навестить больную мать, и миссис Аллингем велела другим учителям занять освободившиеся часы. После обеда меньше всего был занят преподаватель живописи, и именно ему, то есть ей, Эмили, предстояло подменять мисс Хамфрис. Сама миссис Аллин-

гем иногда утруждала себя, час или полтора беседуя с девушками на тему благочестия и прилежания, и полагала эти маленькие лекции весьма полезными для юных особ.

Эмили подумала, что мисс Хамфрис уехала совсем не вовремя, но вошла она в класс с самым решительным видом. В конце концов, она умела осаживать ворчливую Маргарет и некоторых дерзких джентльменов, значит, справится и с избалованными барышнями.

В отличие от младших девочек, не все юные леди сидели на своих местах. Эмили увидела неподалеку от своего стола группку оживленно болтающих девушек, словно они встретились только что, а не утром, перед завтраком. Среди них выделялась высокая, гибкая девушка с почти черными локонами, обрамляющими овальное бледное лицо, несмотря на запрет ученицам делать модные прически. По тому, с какой уверенностью она держалась, Эмили сразу поняла, что это и есть мисс Филлис Найт. За обедом она сидела спиной к учительскому столу, и Эмили не смогла разглядеть ее лицо, хотя Хелен и указала ей на эту девушку, но запомнила прямую осанку и чуть полноватые плечи.

Две из подруг мисс Найт при виде мисс Барнс уставились на нее, остальные три продолжали болтать, как будто не заметили, что учительница уже вошла. Все ученицы выжидательно притихли, явно предвкушая забавное зрелище.

– Рада, что вы приветствуете меня стоя, мисс, – объявила Эмили так громко, как только смогла, не переходя на крик, и проследовала к своему столу. – Всем остальным я предлагаю сделать то же самое.

– Как? Что? Что она сказала? – пронесся по классу неровный гул, включающий недоуменный шепот и возмущенные возгласы.

Мисс Найт пришлось обернуться, чтобы рассмотреть учительницу, так как Эмили прошла мимо нее. Серые и черные глаза словно хотели пронзить друг друга. Через мгновение мисс Найт презрительно поджала пухлые губы, а мисс Барнс спокойно улыбнулась, всем своим видом показывая: «Я уже здесь, хотите вы этого или нет, маленькая выскочка. И я останусь тут и увижу еще много таких, как вы, и ваш убийственный взгляд меня не задевает».

– Итак, я благодарю вас и прошу занять ваши места. Завтра, я полагаю, вы станете приветствовать меня более дружно, – Эмили обращалась ко всему классу, но смотрела на мисс Найт.

Филлис Найт первая отвела глаза и с видом оскорбленной королевы проследовала к своему месту. Ее подруги двинулись за ней, отчетливо слышались их перешептывания.

– Как вы уже знаете, я буду преподавать вам живопись. Вряд ли вас нужно учить, вы занимались с мистером Реддоком и, без сомнения, не нуждаетесь в объяснении приемов и бесконечных повторениях одного и того же сюжета. Всем этим я займусь с младшими девочками. А вам предлагаю сегодня нарисовать что-нибудь по своему вкусу, но непременно осеннее, – полчаса назад Эмили не знала, что предложить девушкам, доделывать работы, начатые ими с мистером Реддоком, не казалось ей важным. Если там опять будет пейзаж с церковью, о нем вполне можно забыть, а если что-то более любопытное – они продолжат позже, когда она лучше узнает этих девочек. Озарение пришло, когда она смотрела в темные, мятежные глаза мисс Найт. Заставить учениц нарисовать что-то, передающее их ви́дение мрачного и прекрасного сезона, захватившего власть на несколько мучительных и сладостных месяцев, – значит для Эмили попробовать заглянуть им в души.

Такой работе не помешает слабое освещение, здесь важна сила чувства, а не натура – в этом Эмили была уверена. «Надеюсь, они не испортят глаза и не станут жаловаться родителям», – успела подумать она, пока девушки переглядывались, пожимали плечами и всем своим видом показывали, что считают мисс Барнс весьма странной особой. Но ее не следует сбрасывать со счетов – это они поняли мгновенно, и именно этого она и стремилась добиться на своем первом уроке. А успех или поражение придут позже.

С большей или меньшей неохотой, но девочки взялись за работу. Эмили так и осталась стоять, опираясь на край стола, ей хотелось иметь возможность видеть каждую ученицу и немедленно пресечь любое серьезное нарушение дисциплины. На отрывистые перешептывания и многозначительные взгляды она сегодня решила не обращать внимания. Если ей удастся преодолеть неприязнь девушек, а они смогут добиться ее уважения, ученицы сами не захотят вести себя неподобающим образом во время живописи.

Эмили хотелось поговорить с другими учителями, узнать, какие методы используют они, чтобы достичь послушания, но ей неловко было тотчас по прибытии просить советов, сначала надо попробовать понять, на что способна она сама. Пока же ясно было, что с мисс Найт они вряд ли когда-нибудь сумеют наладить хорошие взаимоотношения, эта девушка напомнила Эмили взбалмошную Рэйчел.

«Почему такая взрослая девушка, как Филлис Найт, до сих пор не покинула пансион? Она могла это сделать весной и даже в прошлом году, – размышляла Эмили, не переставая обводить глазами класс. – Да и некоторым другим уже вполне можно начать заказывать себе свадебные платья. Если их родители так богаты, как говорит Хелен, им стоит выезжать в свет. Впрочем, для бедной Хелен даже состояние моего отца могло показаться значительным… Да оно таковым и было, пока Томас не погубил все, что создавал отец с таким трудом…»

От этих грустных мыслей лицо ее помрачнело, и кое-кто из девушек снова принялся перешептываться – как мисс Барнс наблюдала за ними, так и они украдкой посматривали на нее, прячась за своими картонами. Кто-то нарочито громко ахнул, уронив карандаш, и Эмили пришла в себя. Нельзя отвлекаться, сказала она себе, и медленно пошла по классу. Когда Эмили дошла до конца прохода, она развернулась, чтобы иметь возможность увидеть работы девушек, не оборачиваясь всякий раз при ходьбе.

Почти все рисовали карандашом, очевидно, ленясь браться за сложную работу красками ради каприза мисс Барнс, выдумавшей такое странное задание. Но и на рисунках Эмили увидела немало интересного.

Ваза с поздними цветами, стоящая на столе, – что может быть более избитым для изображения темы осени? Но на вазу с унылым видом смотрела молодая девушка в шляпе, в руках ее было несколько сорванных в спешке листьев, а перед нею лежало распечатанное письмо. Что за весть она так стремилась узнать, что забыла снять шляпку и отбросить листья? Судя по ее печальному лицу, письмо содержало плохие новости.

– Прекрасно, мисс Сэмпсон, – не удержалась от похвалы Эмили. – Вам следовало бы закончить картину в цвете.

Девушка бросила на учительницу косой взгляд и покраснела, но было видно, что похвала ей приятна, а еще она удивлена тем, что мисс Барнс знает ее фамилию. Эмили ободряюще улыбнулась и посмотрела на работу кузины мисс Сэмпсон, Энид Рикман.

К сожалению, похвалить рисунок мисс Рикман Эмили не смогла бы, не покривив душой, и в то же время несколько мгновений не отводила от него глаз. Энид не имела ни таланта, ни даже способностей к рисованию, но, несомненно, обладала страстной натурой. На ее картоне изображался корявый лес, как будто рука злого чародея искривила древесные стволы и сорвала с них все листья. Все, кроме одного, непропорционально большого, который Энид успела даже замазать красной краской. Лист висел на одном из деревьев в середине рисунка, а под этим деревом склонилась неясная темная фигура, густо затушеванная углем. Непонятно было, мужчина это или женщина, молодой человек или старый, но одиночеством веяло от рисунка, заставляя смотревшего на него вздрагивать, словно от холода.

Мисс Рикман заметила внимание учительницы и с недоумением повернула голову. Она, конечно, знала, что живопись не дается ей, и теперь была удивлена, отчего мисс Барнс так долго смотрит на ее небрежную работу.

– Неподалеку от поместья моего отца был почти такой же лес, – сказала Эмили, чтобы как-то объяснить девушке свой интерес к ее рисунку.

Это и в самом деле было так, но остановилась Эмили отнюдь не поэтому. Унылой безысходностью веяло от склоненной фигуры, и Эмили едва ли не разглядела в ней себя. Ведь теперь она точно так же одинока, а красный лист, символ… чего?.. вот-вот улетит вместе со своими собратьями, оставив после себя только пустоту и холод. Еще мисс Барнс задумалась о том, что за страсти живут в душе этой, такой миленькой с виду, рыжеволосой девушки, что за тайны скрывают ее голубые глаза под золотистыми ресницами?

«Надеюсь, для ее же блага, что она просто прочитала слишком много романов», – подумала Эмили, а Энид изумленно спросила:

– У вашего отца есть поместье? – Конечно, девушкам было любопытно узнать побольше о семье новой учительницы и причинах, побудивших ее принять это место, так же, как и ей хотелось познакомиться с ними.

– Было, но мой отец уже давно умер, – спокойно ответила Эмили. – А мой брат не смог поддерживать благосостояние поместья и продал его.

Вот так, чистая правда без лишних объяснений. Лучше она сама расскажет им о себе, чем позволит миссис Вильерс или мисс Брент придумывать о ней какие-нибудь сплетни.

– И вам пришлось стать учительницей, – послышался голос кого-то из учениц.

Эмили кивнула и направилась дальше по проходу, намереваясь хорошенько рассмотреть и другие рисунки, когда мисс Найт вдруг с досадой швырнула свой картон на пол.

– Что произошло, мисс Найт? Вы уронили рисунок? – Эмили спрятала в складках платья сжатые в кулаки руки и пошла к Филлис.

– Мне не нравится рисовать какую-то чепуху, и я терпеть не могу осень! – воскликнула мисс Найт.

Эмили запоздало вспомнила предупреждение Хелен о том, что мисс Сэмпсон и ее кузина враждуют с мисс Найт, и одобрение учительницы в адрес этих девушек Филлис восприняла как укол в свой адрес.

– Что ж, вы достаточно ясно высказали свое впечатление об этом времени года, чтобы была нужда в рисунке, – неожиданно легко согласилась преподавательница. – Ступайте и отдохните, пока ваши подруги закончат свои работы.

– Мне… уйти? – переспросила оторопевшая девушка.

– Я думаю, вам скучно здесь, мисс Найт, – мягко продолжила Эмили. – Все девушки заняты работой, а вы свою уже закончили. Поднимите картон и ступайте.

Резкость последних слов контрастировала с едва ли не нежностью первых, и Филлис залилась краской. Ее, признанную всеми, или почти всеми, предводительницу класса, выгоняют вон! Ну нет, этого она так не оставит – было написано на ее лице. Под внимательным взглядом мисс Барнс и девятнадцати учениц Филлис подхватила свой картон и бросилась к двери, но тут же опомнилась и вышла, не теряя достоинства, как это и подобает королеве.

– Возвращайтесь к вашим рисункам, девочки, – Эмили постаралась призвать учениц к порядку, и тут уж никто не осмелился ей возразить.

Остаток урока прошел в тишине, но Эмили прекрасно понимала, как хочется девушкам поскорее обсудить случившееся. Во время чаепития старший класс, должно быть, начнет жужжать, как целый рой пчел, возбужденных вмешательством злоумышленника в их маленький мирок.

Эмили посмотрела на другие рисунки мельком, отметила про себя несколько занятных образов и две или три действительно талантливых работы, и вернулась к своему столу. Ей мучительно хотелось узнать, что же рисовала на своем картоне Филлис Найт. Может быть, тогда она смогла бы лучше понять эту девушку? Пожалуй, это ей вряд ли когда-нибудь удастся, они с Филлис стали врагами, едва взглянув друг на друга. Неужели мисс Найт злится

на нее из-за того, что она заняла место мистера Реддока? Неужели ревность мисс Брент была небеспочвенной? Тогда натура Филлис слишком испорченная, чтобы можно было надеяться на ее исправление. «Избалованные, взбалмошные девушки могут под влиянием разумных и терпеливых людей превратиться в милых леди, но порочный нрав в столь юном возрасте уже трудно исправить. Так считает Маргарет, и, кажется, мне придется с ней согласиться, – думала Эмили, ожидая конца урока. – А ведь я не сделала ей ничего дурного! Как же тогда назвать мисс Найт, если она поощряла ухаживания мистера Реддока, а потом с легким сердцем рассталась с ним, когда его изгнали из школы? Так ли он виновен?»

Этих размышлений хватило мисс Барнс как раз до конца урока, и вскоре она уже собирала рисунки и прощалась с девушками до завтрашнего утра, когда у них должен был состояться новый урок.

На сегодня занятий у нее больше не было, и Эмили решила отнести рисунки в свою комнату и внимательно рассмотреть их после чаепития. «Надо показать их Хелен, она наверняка скажет что-нибудь остроумное и точное о каждой девушке, а рисунки помогут мне лучше представить ее слова», – решила мисс Барнс и приветливо простилась с ученицами. Урок оказался тяжелым для нее, но все могло бы быть гораздо хуже.

Все и было хуже, как вскоре узнала Эмили, когда миссис Аллингем пригласила ее в свой кабинет после того, как все попьют чая.

6

– Итак, мисс Барнс, в первый же день вы вынудили меня провести с вами серьезную беседу, – невыразительным тоном начала директриса после того, как Эмили уселась напротив нее. – Кажется, не далее как вчера я предупреждала вас о том, какие чувствительные натуры у некоторых наших учениц и как много мы должны стараться, чтобы научить их быть благонравными и добродетельными. Строгость, конечно, необходима, но в разумных пределах. Ваше обращение с мисс Найт сегодня непозволительно.

В конце фразы она едва заметно повысила голос, и Эмили нервно стиснула руки. «Нельзя научить быть благонравной, девушка либо обладает этим качеством, либо нет», – хотелось сказать Эмили, но она побоялась. Вместо этого Эмили постаралась описать случившееся так, как оно было на самом деле. Похоже, до нее мисс Филлис Найт уже успела изложить директрисе свое ви́дение конфликта, и трудно было предположить, чьему мнению миссис Аллингем доверится – давно знакомой ей ученицы, пользующейся к тому же привилегиями, или молоденькой учительницы, прибывшей лишь накануне и тут же пытающейся искать справедливости? Эмили была слишком молода, чтобы посчитать ответ однозначным, а потому попыталась отстоять свою правоту.

– Мое обращение с мисс Найт отнюдь не было жестоким или предвзятым, миссис Аллингем, – стараясь, чтобы ее голос звучал ровно, заговорила Эмили. – Все девочки могут подтвердить, что мисс Найт швырнула на пол свой рисунок и громко заявила, что не желает выполнять задание.

Миссис Аллингем нахмурилась при упоминании о девятнадцати возможных свидетельствах, ведь среди учениц также были те, к мнению которых она считала себя обязанной прислушиваться.

– Девочка, вероятно, очень устала. У мисс Найт хрупкое здоровье, вы могли и не знать об этом, но она часто пропускает занятия из-за болезни, а после этого становится чрезмерно чувствительной ко всему, что ей говорят. – Ласковая укоризна, неожиданно пробившаяся в интонациях миссис Аллингем, напугала Эмили еще больше, чем сухой бесстрастный тон.

– Именно так, миссис Аллингем! – с воодушевлением воскликнула Эмили, словно полностью соглашаясь со сказанным. – Я поняла, что мисс Найт не способна продолжать работать над рисунком, и предложила ей пойти отдохнуть.

Миссис Аллингем помедлила, на ее узком лице явственно обозначился более глубокий, чем до сих пор, интерес к мисс Барнс. Похоже, новая учительница оказалась весьма находчивой и решительной, несмотря на свой юный возраст. Такие склонности можно использовать во благо школы, а можно и во вред, смотря кто будет оказывать влияние на мнение и поступки мисс Барнс. Миссис Аллингем предпочитала сама направлять свое стадо, а потому вполне благосклонно кивнула.

– Что ж, я рада, что вы поняли девочку и понимаете меня. Вероятно, мисс Филлис Найт еще не вполне освоилась с вашей манерой говорить и усмотрела в ваших словах что-то обидное. Я надеюсь, на следующем уроке от этого недоразумения не останется и следа.

– О, можете быть уверены, миссис Аллингем, я не стану нагружать мисс Найт, да и других девочек, тяжелой работой, – совершенно искренне ответила Эмили, и ей было позволено покинуть кабинет директрисы.

В своей комнате Эмили присела у стола. Кажется, она повела себя неосмотрительно, когда противоречила миссис Аллингем. Что с ней будет, если директриса откажет ей от места? Рекомендаций она не получит, и найти новую работу ей вряд ли удастся. Не пойдет же она гувернанткой в одну из давно знакомых ей семей, к детям, со старшими братьями и

сестрами которых она прежде встречалась на балах и обедах! Такого унижения ей не перенести!

Эмили недавно исполнился двадцать один год, и она еще не научилась плести интриги, но сейчас она понимала, что свойственная ей прямота и насмешливость – не лучшие качества для того, чтобы удержаться в школе.

– Я буду стараться, – сказала она себе. – Но если меня станут вынуждать поступать подло и низко, мне придется уйти. Отец бы не стал гордиться мной, и я не могу допустить, чтобы он осуждал меня, глядя с небес на свою дочь!

Успокоившись немного, Эмили спустилась в большую комнату, отведенную для вечерних занятий. В этой зале и в холле толпились почти все младшие ученицы, ведь им было запрещено проводить время в спальнях до тех пор, пока не наступит пора ложиться в постель. Группа старших учениц болтала возле одного из двух каминов, и Эмили догадалась, что эти девушки недостаточно богаты, чтобы занимать отдельные комнаты. Ни мисс Найт, ни кузин Сьюзен и Энид в общей зале не было. Скорее всего, они болтали и смеялись в своих спальнях, и наверняка темой для болтовни была новая учительница живописи.

Возле одного из находящихся в зале столов собралась группка девочек с пяльцами и шитьем. Миссис Фирман ласково говорила с ними, и Эмили согласилась с Хелен – ученицы любят эту хлопотливую женщину.

В другом углу залы за роялем сидели две ученицы лет тринадцати-четырнадцати и пытались играть в четыре руки. Получалось плохо, девочки смеялись, их подружки дразнили неумелых исполнительниц, а мисс Брент, медленно обходившая залу, то и дело бросала на проказниц неодобрительные взгляды.

Девочки читали, играли, беседовали, среди них были и учителя, предпочитавшие общество уединению своих комнат, и Эмили вдруг почувствовала тепло и уют этой почти домашней атмосферы.

Хелен в зале не было, и Эмили подошла к миссис Фирман. Она взяла с собой бумагу и карандаши, чтобы сделать набросок рисунка для вышивки. Улыбающаяся миссис Фирман велела одной из девочек пересесть и освободить место для мисс Барнс.

– Рада, что вы присоединились к нам, дорогая. Терпеть не могу сидеть одна, когда здесь так шумно и весело! – воскликнула миссис Фирман.

– И вам не мешает весь этот шум? – Эмили невольно обернулась в сторону мучительниц рояля.

– О, вовсе нет! Я его почти не замечаю, а вот если бы он прекратился вдруг, сразу подумала бы, что что-то случилось, что-то плохое, – тут же ответила миссис Фирман. – Я хочу, чтобы вы придумали узор для подушек, которые украсят диван викария, к его дню рождения мы с девочками обычно готовим какой-нибудь подарок.

– Я охотно помогу вам, миссис Фирман, если только вы скажете мне, что именно должно быть изображено на подушках – цветы, птицы или китайские узоры?

– Китайские узоры для нас еще, пожалуй, слишком сложны, – засмеялась миссис Фирман. – А вот райские птицы как нельзя лучше подойдут к обоям в гостиной викария, супруга преподобного, миссис Кольер, обожает птиц и отделала комнату обоями с нарисованными на них птицами, а еще купила попугая. Викарий терпеть его не может, но ему пришлось смириться.

Эмили рассмеялась вместе с миссис Фирман. В этой женщине было что-то материнское, и Эмили потянулась к ней так же, как и ученицы. Следующие полчаса она делала наброски, которые девочки тут же выхватывали из ее рук, передавали друг другу и наконец громкими восклицаниями привлекли к себе внимание мисс Брент.

Эмили вздрогнула, когда за ее плечом послышался низкий для женщины голос:

– Вы где-то видели подобные рисунки, мисс Барнс, или это импровизация?

Эмили выдохнула и постаралась ответить спокойным тоном:

– Полагаю, и то, и другое, мисс Брент.

– Что ж, весьма неплохо, особенно когда эти картинки будут раскрашены, – постановила мисс Брент и отошла от стола, чтобы вернуться к наблюдению за порядком.

– А мистер Реддок почти никогда не находил времени, чтобы немного помочь мне, – укоризненно заметила миссис Фирман, когда мисс Брент удалилась.

– Он не был любезным человеком? – Эмили очень хотелось побольше узнать о своем предшественнике, и она не могла удержаться от расспросов.

– Вовсе нет, дорогая мисс Барнс. Он, кажется, был даже слишком любезен. – Неприятное хихиканье за спиной снова заставило Эмили обернуться. На этот раз ее работой любовалась миссис Вильерс. Ее лицо можно было назвать красивым, портил его лишь чрезмерно вытянутый кончик носа, словно бы всегда устремленный туда, где можно поживиться занятной историей или узнать о новом скандале.

– Мистер Реддок – настоящий джентльмен, – решительно заявила вдруг добродушная миссис Фирман. – Благородный человек иногда попадает в неприятные ситуации именно из-за своего неумения вовремя осадить чрезмерно настойчивых молодых леди!

– Ну, тут я не могу с вами поспорить, – миссис Вильерс без приглашения уселась рядом с Эмили и бесцеремонно принялась рассматривать рисунки. – Прелестно, мисс Барнс, вы очень способны в рисовании. А как у вас дела с французским?

– Моя гувернантка много занималась со мной, и я достигла некоторых успехов, – скромно ответила Эмили. Несмотря на благожелательный отзыв Хелен, миссис Вильерс ей решительно не нравилась.

– Прекрасно! После Рождества, в первые дни нового года я хочу навестить родственников своего покойного мужа, – подвижное лицо миссис Вильерс приняло подобающее случаю постное выражение. – А в школе после отъезда мисс Леверли меня совершенно некому заменить! Вы ведь не откажете мне в этом маленьком одолжении, мисс Барнс?

– Конечно, нет, миссис Вильерс! Если директриса позволит и мои уроки не будут совпадать с вашими по времени, я охотно помогу вам, – Эмили твердо вознамерилась быть приветливой со всеми в школе, пока никто не задевает ее.

– Разумеется, миссис Аллингем не будет против! А если уроки совпадут, в этом нет ничего страшного! Ведь на ваших занятиях девочки работают руками, – защебетала довольная миссис Вильерс. – Вы можете беседовать с ними по-французски, пока они рисуют.

– Это и в самом деле хороший выход из затруднительного положения, – подхватила миссис Фирман. – А теперь, пожалуй, пора ужинать.

На ужин подали оставшееся от обеда жаркое. Мистер Хотчинс, сидевший рядом с Эмили, позабавил ее несколькими историческими анекдотами, которых, несомненно, знал огромное количество. Хелен о чем-то болтала с учителем географии, полным господином лет сорока с обрюзгшим лицом и неопрятными бакенбардами. Эмили не видела его днем и осведомилась о нем у мистера Хотчинса.

– Это мистер Уэмблтон, он живет неподалеку от школы в собственном домике и приходит только на время уроков, но иногда остается с нами на обед или ужин, если его жена уезжает в Брайтон погостить у друзей, – пояснил мистер Хотчинс.

– Он женился несколько лет назад на дочери нашего викария, – тут же вступила в разговор вездесущая миссис Вильерс. – Сделал удачную партию, как говорят. Мисс Кольер пробыла в девицах дольше, чем положено, и викарий был так счастлив, когда мистер Уэмблтон посватался к ней, что в качестве свадебного подарка купил для молодой четы дом.

Мистер Хотчинс только с легким укором покачал головой. Эмили догадалась, что он давно перестал обращать внимание на болтовню миссис Вильерс, и решила последовать его примеру.

– А когда обедает и ужинает мисс Брент? – спросила она, чтобы сменить тему беседы. – Весь день она наблюдает за ученицами, но ведь ей тоже нужно есть!

– Дежурный учитель завтракает раньше других, а обедает и ужинает во время, свободное от уроков. Иногда приходится целый день сидеть голодной, – пожаловалась миссис Вильерс, понизив голос, чтобы ее не услышала миссис Аллингем.

После ужина девочкам было позволено еще немного поиграть, после чего под предводительством мисс Брент они направились в свои спальни.

Уставшая за день Эмили была рада вернуться в свою комнату, где они с Хелен мило поболтали перед тем, как лечь в постель.

– Как видишь, ничего страшного с тобой сегодня не случилось, – жизнерадостно сказала мисс Эйвери. – Если не считать того, что ты заслужила порицание от директрисы.

– Ты уже знаешь об этом? – с легкой досадой переспросила Эмили.

– Конечно! Филлис сама рассказала мне перед ужином. По ее словам, ты дерзкая выскочка, которая не понимает, с кем надо вести себя уважительно. – Хелен все еще смеялась, когда Эмили осознала ее слова и очень удивилась.

– Тебя не было в общей зале перед ужином, значит, ты видела мисс Найт где-то в другом месте?

– Филлис так мила, что частенько приглашает меня выпить чая с ней и ее подругами, а я не так глупа, чтобы отклонять эти приглашения. Возможно, летом она даже позовет меня провести несколько дней в их поместье, как свою подругу, а не как учительницу, – с наивной гордостью сообщила Хелен, не замечавшая, кажется, изумления Эмили. – Представь только, как весело нам будет: балы, пикники, катания в колясках и на лодках!

– Разве учителям дозволено вступать в дружеские отношения с ученицами? – смогла лишь спросить Эмили. – Разве не из-за этого пострадал бедный мистер Реддок?

– Разумеется, миссис Аллингем не очень одобряет это, но к мисс Найт у нее особое отношение, да и ко мне она относится более снисходительно, чем к другим, – небрежно отмахнулась Хелен.

– По-моему, мисс Найт просто несносная избалованная девчонка! Не могу себе представить, что с ней можно подружиться, если только ты не склоняешься перед ее богатством, – Эмили чувствовала легкое разочарование новой подругой. Как Хелен могла быть такой… практичной?

– Ты или очень храбрая, или не очень умная девушка, – невозмутимо ответила мисс Эйвери. – Ссориться с мисс Найт означает навлечь на себя гнев директрисы. Конечно, Филлис – взбалмошная и эгоистичная особа, но ее связи могут быть нам полезны. Постарайся быть с ней поласковей, может, она простит тебя. Я постаралась объяснить ей и другим девушкам, что ты на самом деле очень милая, но тебе нужно добиться послушания учениц, чтобы хорошо выполнять свою работу. Они обещали держаться с тобой более дружелюбно и не срывать уроки.

У Эмили не было никакого желания благодарить подругу за это неуместное заступничество. И уж тем более она не собиралась добиваться прощения мисс Найт! Но ссориться с Хелен ей не хотелось, и Эмили заговорила о другом, вопросов о школьных порядках у нее еще было предостаточно.

Руби принесла им чай с остатками пирога, мисс Олдридж послала молодым леди немного угощения, чтобы скрасить вечернюю беседу – как объяснила она девушкам, и Эмили была приятна эта забота, а вот Хелен, похоже, относилась к проявлению внимания со стороны экономки совершенно спокойно.

– Пора ложиться, – сказала мисс Эйвери, когда пламя свечи начало мигать, и Эмили была с ней полностью согласна.

7

Следующие два дня показались Эмили похожими на предыдущие, с той только разницей, что она уже гораздо меньше боялась своих учениц. Занятия с девочками из среднего класса, которых было так много, что их разбили на две группы, состояли в копировании классических произведений, и Эмили еще помнила, как сама она не любила эту работу, а потому старалась во время урока разговаривать с девочками, не настаивая на строгой дисциплине. Ученицы попытались было, по примеру старшего класса, отвлекаться на шалости, но Эмили решительно пресекла всякие попытки некоторых девочек бездельничать и мешать другим. А младшие девочки, после того как увидели ее рисунки с райскими птицами, готовы были обожать мисс Барнс так же, как они обожали миссис Фирман.

Чаепитие у миссис Вильерс прошло так, как и ожидала Эмили. Почтенная вдова болтала почти без умолку, пока Эмили и Хелен поглощали тонкие ломтики кекса и поощрительно кивали в нужных местах. Речь шла в основном о мистере Реддоке, ведь Эмили ничего не знала о скандальной истории, случившейся в школе.

По словами миссис Вильерс, учитель живописи тайно встречался с мисс Найт в пустых в вечернюю пору классах, пока кто-то не донес об этом директрисе.

– Говорят, он уделял свое внимание и другим девушкам из старшего класса, – пояснила миссис Вильерс. – Я думаю, одна из них, потеряв его привязанность, и раскрыла его тайну.

– А я все же думаю, что это была мисс Брент, – упрямо стояла на своем Хелен.

Чаепитие прошло приятнее, чем ожидала Эмили. Она сделала над собой усилие и постаралась отнестись к болтовне миссис Вильерс как к историям из тех, что описывают в романах или печатают в газетах, а не сплетням о людях, которые находятся совсем близко.

Лишь однажды Эмили испытала неловкость. Хелен нужно было отлучиться на несколько минут по какому-то делу, и миссис Вильерс осталась вдвоем с Эмили. Но болтать не перестала.

– Я вижу, вы уже подружились с мисс Эйвери.

– Да, это так, – Эмили не собиралась этого отрицать.

– Очень славная девушка наша мисс Эйвери. Немного ленивая и несобранная, но такая веселая и всегда готова всем услужить, – миссис Вильерс, похоже, не обделяла своим вниманием даже тех, с кем состояла в дружеских отношениях. – Иногда она совершает мелкие оплошности, как это свойственно молодым, но ей всегда все прощают.

Эмили не знала, что ответить на эту тираду, миссис Вильерс тотчас снова стала ей неприятна. Но сплетница не обладала особой наблюдательностью, чтобы заметить, как нахмурилась Эмили.

– Что ж, скажу я вам, особое отношение к мисс Эйвери со стороны директрисы вполне понятно. Говорят, миссис Аллингем знает о родителях мисс Эйвери намного больше, чем хочет показать.

– О чем вы говорите? – Миссис Вильерс все-таки удалось заинтриговать Эмили. – Если миссис Аллингем знает, как звали родителей Хелен, почему она ей не скажет?

Миссис Вильерс посмотрела на Эмили с какой-то жалостью.

– Дитя мое, ну неужели вы не понимаете? Миссис Аллингем никогда не сможет назвать имя матери мисс Эйвери без ущерба для своей репутации! Вряд ли она захочет раскрыть тайну, могущую бросить тень на ее прошлое!

– Вы хотите сказать… – Эмили сделала паузу, не решаясь произнести вслух поразившую ее догадку.

– Конечно же! Дорогая моя, если вы присмотритесь повнимательнее, вы заметите в лице вашей подруги фамильные черты одной особы… Но я больше не должна ничего говорить, – с притворной тревогой закончила миссис Вильерс.

Эмили все еще растерянно смотрела на нее, когда вернулась Хелен, и разговор сразу перешел на другую тему, а вскоре обе молодые учительницы попрощались с миссис Вильерс и вернулись в свою комнату.

Уже лежа в постели, Эмили размышляла о том, что наговорила учительница французского. Не может быть, чтобы миссис Аллингем являлась матерью мисс Эйвери! Они ничуть не похожи, говорила себе Эмили и тут же начинала сомневаться. Могло ли быть такое, что директриса в молодости совершила роковую ошибку и постаралась исправить ее, приняв на воспитание в школу собственную дочь? Знает ли сама Хелен об этом, догадывается ли? Неприязнь Эмили к миссис Аллингем еще возросла. Как можно обречь собственное дитя на судьбу безвестной сироты? Даже если Хелен и выросла под присмотром миссис Аллингем, девочка не узнала ни материнской любви, ни настоящей заботы!

Эмили уже было известно от той же миссис Вильерс, что миссис Аллингем вышла замуж, уже будучи в таком возрасте, когда никто не ожидает от леди внезапного сообщения о помолвке, родила сына и дочь и вскоре овдовела. Сейчас ее дети под присмотром незамужней кузины миссис Аллингем получали образование на континенте.

В одном Эмили была уверена – она не сможет рассказать Хелен о том, что наболтала ей миссис Вильерс. Но ведь другие учителя наверняка уже не один раз слышали подобные истории, неужели никто из них так ничего и не сказал мисс Эйвери? Ведь миссис Вильерс каждый раз начинает свою историю словами «Говорят, что…», значит, это общеизвестная сплетня! Или и другие, как Эмили, щадят чувства Хелен и скрывают от девушки правду, способную сильно расстроить ее? А впрочем, правда ли это или лишь выводы миссис Вильерс, основанные на снисхождении директрисы к проступкам мисс Эйвери?

«Да так ли уж велики эти проступки? – думала Эмили. – Может быть, миссис Вильерс все это придумала, чтобы развлечься? Что же она тогда придумает обо мне? Но, даже если в этом и есть хотя бы доля правды, миссис Аллингем может быть тетушкой Хелен или еще какой-то дальней родственницей, кому настоящая мать девочки доверила воспитание малышки! Так или иначе, мне лучше не вмешиваться в эту историю, тем более сейчас, когда я так мало провела здесь времени и не узнала этих людей настолько хорошо, чтобы верить всему, что они говорят!»

Проворочавшись беспокойно не меньше часа, Эмили уснула. Назавтра ей предстояло много работы.

В субботу занятия в школе продолжались только до обеда. К тому времени, как ученицы покидали столовую, в холле уже беседовали в ожидании своих дочерей их родители, братья и сестры, явившиеся забрать своих девочек домой на воскресенье. Те, чей дом находился слишком далеко или чья семья была недостаточно состоятельна, чтобы приехать за дочерью, с завистью поглядывали на своих подруг. Некоторых не забирали даже на каникулы, и Эмили, спустившаяся вместе с Хелен в холл, с сочувствием наблюдала за разочарованными лицами тех девочек, кто ожидал увидеть в холле свою семью, но так и не увидел.

Хелен, к удивлению подруги, надела теплую пелерину, шляпку и взяла с собой небольшой саквояж.

– Ты куда-то собираешься? – не могла не спросить Эмили.

– Друзья в Брайтоне пригласили меня провести с ними воскресенье, – весело ответила Хелен. – За мисс Найт обычно приезжает ее старший брат, Эйрел, и мисс Филлис любезно согласилась подвезти меня. Смотри, он вон там, рядом с миссис Аллингем.

Эмили уже заметила в толпе директрису, а теперь пригляделась повнимательнее к ее собеседнику. Молодой джентльмен, несомненно, был братом мисс Найт, так они были похоже. Ему было около двадцати пяти лет, и он с любезным выражением лица выслушивал то, что говорила ему миссис Аллингем, но его быстрый, насмешливый взгляд перебегал с одной девушки на другую, словно он выбирал, с кем из них ему можно пофлиртовать.

Старшие девушки сегодня тоже вели себя куда более оживленно, бросали кокетливые взгляды на присутствующих в холле мужчин, улыбались и хихикали. Что ж, знакомство с братом или молодым дядюшкой одной из своих приятельниц может в конечном итоге привести к браку. Девушки уже все знают о положении и связях каждой из семей, приславших свою дочь в школу Святой Маргарет, и прекрасно осведомлены о тех из их родственников, кто может считаться хорошей партией.

Хелен решительно направилась к мистеру и мисс Найт, Эмили осталась стоять у лестницы, наблюдая за ученицами и их родными. Она испытывала легкое сожаление, когда думала о том, что навсегда вырвана теперь из этого мира нарядных туалетов, балов и ухаживаний. Даже если она сумеет отложить средства себе на приданое, ей уже исполнится к тому времени не меньше двадцати пяти лет, и ни один из подходящих молодых джентльменов на ней не женится. Скорее, это будет викарий не слишком преклонных лет, адвокат или учитель.

– О чем вы грустите, мисс Барнс? – Эмили и не заметила, как Энид Рикман подошла к ней. – Вам тоже хочется поехать домой и немного отдохнуть от школы?

Эмили кивнула и улыбнулась хорошенькой девушке, одетой по случаю субботы в нарядную голубую шляпку и плащ чуть более темного оттенка.

– Вы правы, мисс Рикман. Но мне некуда ехать, поэтому я останусь и буду разбирать картоны мистера Реддока.

– Я бы хотела представить вам своего отца, – неожиданно сказала мисс Рикман. – Он, по обыкновению, немного запаздывает, такова уж его натура. Он приезжает за мной и Сьюзен, поместье ее отца находится далеко отсюда, и она проводит выходные в нашем доме в Брайтоне или в поместье неподалеку отсюда.

Мисс Сэмпсон легко сбежала по лестнице и остановилась рядом с кузиной.

– Твой отец еще не приехал? А я думала, вам придется ждать меня!

Сьюзен Сэмпсон также надела красивую шляпку и теплый плащ и теперь с интересом смотрела на Энид и мисс Барнс.

– Отец вот-вот приедет, я уверена, – извиняющимся тоном ответила мисс Рикман. – А вот и он!

Эмили проследила за посветлевшим взглядом девушки и увидела высокого мужчину, только что вошедшего в холл. Его темно-рыжие волосы тронула седина, но черты лица напоминали черты Энид, только казались более жесткими. Раскланиваясь по дороге со знакомыми, он направился прямо к дочери и племяннице.

– Я прошу прощения за опоздание, управляющий снова пытался ввести меня в заблуждение, – с досадой произнес он, но по-отечески нежно поцеловал обеих девушек. – Теперь мы можем ехать.

– Отец, позвольте представить вам нашу новую учительницу живописи, мисс Барнс, – сказала Энид.

Мистер Рикман внимательно оглядел Эмили и приветливо улыбнулся.

– А я было подумал, что вы одна из старших учениц, – галантно заметил мистер Рикман. – Так, значит, вы, мисс Барнс, заменили этого беспутного Реддока. Я всегда считал, что молодым мужчинам не подобает преподавать в школе для девочек, и история мистера Реддока – лишнее тому подтверждение.

– Я полагаю, мистер Реддок был хорошим учителем, сэр, – осмелилась возразить Эмили, ей захотелось защитить своего предшественника, пусть даже ей и незнакомого. – Ошибиться может каждый.

Отец Энид чуть нахмурил брови, отливающие медью, и задумчиво кивнул.

– Может быть, вы и правы, мисс Барнс. Но лучше не подвергать соблазну ни молодых джентльменов, ни юных неразумных девушек. Если соблазна не будет, не будет и шанса поддаться ему.

Теперь была вынуждена согласно кивнуть Эмили, а девушки переглянулись. Мистер Рикман произнес еще какую-то вежливую фразу, распрощался с мисс Барнс и направился к выходу. Девушки последовали за ним. По пути мистер Рикман остановился поприветствовать директрису. Мисс Найт, ее брат и мисс Эйвери уже ушли, но к миссис Аллингем поочередно подходили все приехавшие за девочками, чтобы выразить почтение и узнать об успехах своих дочерей.

Еще две девочки из младшего класса подошли к мисс Барнс со своими матерями, и обе молодые женщины в модных туалетах с улыбками слушали восторженные рассказы дочек о том, как нравятся им уроки мисс Барнс. Эмили была приятна эта искренняя похвала, и ее мрачное настроение совсем исчезло к тому моменту, как холл опустел.

Вечер она просидела в одиночестве за книгой, отклонив приглашение миссис Фирман выпить чаю. Мистер Фирман умер много лет назад, а миссис Фирман не захотела жить вместе с сыном и невесткой, хотя их домик находился совсем недалеко от Роттингдина, и переехала в школу.

Без Хелен в комнате было так тихо, но Эмили нравилась эта тишина. Она не привыкла к столь близкому соседству с кем бы то ни было и теперь с наслаждением предавалась отдыху после трех утомительных дней.

Мисс Эйвери не рассказала подруге о друзьях, пригласивших ее, но Эмили успела заметить кокетливые взгляды Хелен, направленные на молодого мистера Найта. Похоже, у Хелен была еще одна причина поддерживать отношения с Филлис Найт. Эмили достаточно было один раз взглянуть на этого джентльмена, чтобы понять – такой самодовольный, заносчивый человек никогда не женится на бедной учительнице. Но Хелен, как видно, считала иначе. Что ж, это касается только ее, и Эмили не собиралась раздражать подругу своими непрошеными советами.

В воскресенье оставшиеся в школе девочки под присмотром учителей посещали службу, и Эмили наконец сумела оценить своеобразное очарование старинных надгробий. Викарию представили новую учительницу, и пожилой добродушный преподобный Кольер пообещал мисс Барнс как-нибудь пригласить ее на чай. Такого приглашения время от времени удостаивались все учителя, группками или поочередно, и Эмили должна была почувствовать себя польщенной.

Воскресный день посвящался в школе прогулке, играм, чтению и разговорам, а нерадивым ученицам приходилось готовить уроки. Время до чаепития Эмили провела в общей зале, беседуя с другими учителями и девочками, подходившими к ней со своими рисунками, а вечером ей не удалось избежать приглашения миссис Фирман. К ней и миссис Вильерс пришел мистер Хотчинс, и дамы много смеялись над его забавными рассказами. Эмили рассеянно думала о том, что эти люди близки ей едва ли не больше, чем ее собственная семья, во всяком случае, их заботы и переживания за столь короткий срок стали понятны ей намного лучше, чем устремления ее родственников. И это чувство согревало ее и не давало скучать об оставленном доме брата.

Когда Эмили вернулась в свою комнату, Хелен уже была там.

– Ты хорошо провела время здесь без меня? – весело спросила мисс Эйвери.

– О, прекрасно. Я сделала то, что собиралась, и успела отдохнуть, – с искренним воодушевлением отвечала Эмили. – А чем занималась ты?

– В субботу мои друзья взяли меня на музыкальный вечер к какой-то леди, там были и Найты. Сегодня мы прогулялись немного с Дафной и ее замужней сестрой, поели пирожных в кондитерской, навестили знакомых… А в пять часов мистер Найт и мисс Филлис уже приехали за мной.

Сияющее лицо Хелен выдавало ее затаенные мысли, и Эмили подумала, что мисс Эйвери вполне может иметь основания, позволяющие ей питать определенные надежды, но она просто не торопится рассказывать о них подруге.

8

Наступившая неделя, по мнению Хелен, не обещала никаких новых событий, но Эмили не могла вполне с этим согласиться. Конечно, на первый взгляд в школе один день похож на другой – занятия, обеды и ужины, отдых и беседы с девочками и учителями… Но каждый день, каждый урок наполнен маленькими происшествиями и открытиями. Эмили никогда не подозревала, что ей может понравиться учить других тому, что она так любила делать сама, и вот она с воодушевлением готовится к урокам, объясняет и показывает, старается проникнуть в души учениц и заразить их любовью к живописи…

Ей очень нравилось заниматься с маленькими девочками, но и старшие классы постепенно привыкали к ней, и можно было надеяться, что большинство учениц проявят свои способности и трудолюбие, чтобы добиться похвалы новой учительницы.

Мисс Найт и ее подруги были тем неприятным, но подчас необходимым фактором, способным наглядно показать Эмили, как успешно идут ее дела в остальном. Так, для того чтобы больше ценить наш успех, нам иногда требуется пережить разочарование.

Мисс Филлис больше не разбрасывала рисунки, но работала над заданиями мисс Барнс с такой небрежностью и держалась так холодно и отстраненно, что даже вовсе нечувствительный человек уже понял бы – мисс Найт терпеть не может новую учительницу и не собирается подчиняться ей.

Эмили, подумав, оставила Филлис в покое. Она делала вид, что не замечает перешептываний и презрительных взглядов, но не прощала ни одной ошибки мисс Найт и ее наперсниц. Замечания учительницы, написанные на обратной стороне их рисунков, были, безусловно, справедливыми, но при этом весьма язвительными. Будь Эмили старше и опытнее, она нашла бы иной способ совладать с мятежницами, но пока она не могла придумать ничего лучше, чем постоянно задевать самолюбие девушек, побуждая их работать с большим усердием.

В один из дней, когда у Эмили не было урока, она зашла в библиотеку, чтобы найти книгу по истории, которую ей посоветовал прочесть мистер Хотчинс. Девочкам было запрещено заходить сюда, и обширная комната, уставленная книжными шкафами, неизменно выглядела чистой и строгой. Ни одного листка бумаги или огрызка карандаша не валялось на полу, как в общей зале, тяжелые шторы занавешивали неизбежные для этого здания высокие окна, в камине сдержанно горел огонь, а уютные кресла подле него так и манили к отдохновению в блаженной тишине.

Эмили уже несколько раз спасалась в этой комнате от болтовни Хелен и миссис Вильерс, а сегодня решила ускользнуть и от миссис Фирман. Некоторое время молодая леди бродила вдоль шкафов, пока не нашла нужную книгу, после чего уступила соблазну и присела в кресло, чтобы тотчас начать читать.

Ее одиночество было вскоре нарушено. Хотя она и сидела спиной к двери, взметнувшееся от сквозняка пламя камина показало ей, что дверь открылась. Раздавшиеся следом голоса подтвердили ее догадку, хоть она и не слышала шагов, заглушаемых толстым потертым ковром.

– Вы не должны больше писать к нему, – Эмили тут же узнала низкий голос мисс Брент. – Подумайте, как вы огорчите своего отца, если вас не беспокоит ваша репутация!

– О, если бы я могла, мисс Брент, – другой голос принадлежал одной из старших девушек, но кому именно, Эмили не могла понять.

Она должна открыть свое присутствие, говорившие, похоже, не заметили ее за высокой спинкой кресла, иначе возникнет неловкость, ведь они могут подумать, что она нарочно спряталась, чтобы подслушать чужой разговор.

– Кто здесь? – сперва громко спросила Эмили, а затем медленно поднялась с кресла.

Испуганный вскрик показал ей, что ученица, говорившая с мисс Брент, не хотела быть услышанной. Разглядеть ее Эмили тоже не успела, когда она повернулась в сторону говоривших, хлопнула дверь – девушка убежала.

Мисс Брент было намного труднее смутить, если вообще возможно. Она продолжала стоять у двери и теперь неодобрительно смотрела на Эмили.

– Что вы делаете тут, мисс Барнс? – сурово вопросила мисс Брент, как будто Эмили была напроказившей школьницей.

– Я читала книгу, когда вы и кто-то еще нарушили мой отдых, – холодно ответила Эмили.

– Вы были здесь одна? – не обращая внимания на неприветливый тон, мисс Брент продолжала расспросы.

– Как видите, одна, мисс Брент, – Эмили начинала злить эта бесцеремонность. – А кто был с вами?

– Одна из учениц, – мисс Брент явно не собиралась раскрывать секрет, и Эмили поняла, что не должна была спрашивать, но любопытство оказалось слишком сильным.

– Мне показалось, у этой девушки какая-то беда… – попыталась Эмили еще раз.

– Как бы там ни было, вас это не касается, – отрезала мисс Брент. – Достаточно и того, что вы подслушали чужой разговор, так вы еще допытываетесь о том, что вам вовсе не следует знать!

Гнев Эмили еще усилился после этой незаслуженной отповеди, и она сердито ответила:

– Я вовсе не намеревалась подслушивать, и вам это известно! С вашей стороны было неосмотрительно затевать разговор, не предназначенный для чужих ушей, не убедившись, что в комнате никого нет!

Мисс Брент не могла не согласиться с этим утверждением, но, похоже, молодая и хорошенькая мисс Барнс неимоверно раздражала эту нескладную старую деву.

– Я не нуждаюсь в ваших советах, – мрачно изрекла она. – Вам следовало обнаружить себя тотчас, как вы поняли, что не одни. Впрочем, навряд ли от вас следует ожидать деликатности…

– Почему это? – растерялась Эмили, так это последнее обвинение поразило ее.

– Для этого достаточно знать, кого вы выбираете себе в друзья, мисс Барнс, – уничтожающим тоном заявила мисс Брент, решительно развернулась и вышла из библиотеки прежде, чем Эмили смогла произнести хоть слово.

Растерянная, Эмили присела обратно в свое кресло, но уже и думать не могла о том, чтобы читать книгу. Что имела в виду мисс Брент, когда говорила о неподходящих друзьях? Вероятнее всего, она подразумевала Хелен. Но что могла ей сделать веселая, легкомысленная мисс Эйвери? Неужели она и вправду не выносит молодых красивых девушек и даже не утруждается это скрывать?

– Хелен права, она просто ужасна, – пробормотала Эмили, когда немного успокоилась. – Неудивительно, что мистер Реддок не захотел на ней жениться, да и кто бы захотел? Если она попытается оскорбить меня снова, я найду, что ответить, больше ей не удастся застать меня врасплох!

Вечером Эмили не преминула рассказать Хелен о стычке с мисс Брент. Хелен ничуть не удивилась этому проявлению грубости и высокомерия, только посетовала, что такой низкий человек, как мисс Брент, преподает столь возвышенный предмет – музыку. Гораздо больше Хелен заинтересовалась таинственной беседой между мисс Брент и неизвестной девушкой.

– Скажи, ты смогла бы узнать ее голос, если бы услышала его снова? – расспрашивала она Эмили. – У нас не так много старших учениц. Это не могла быть Филлис Найт или одна

из ее подруг, все они терпеть не могут мисс Брент, значит, остается еще меньше девушек, способных открыть душу такой малопривлекательной особе!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.